

День поэзии ВГУ LXV

Воронежский
Государственный
Университет

День поэзии ВГУ LXV

Литературно-художественный альманах

25 марта 2021 г.

Воронеж

2021

В оформлении альманаха использованы
графика *Льва Рудковского* (с. 35),
акварели *Елены Саниной* (с. 7, 8, 15, 23, 25, 53, 68),
рисунки *Александры Наливкиной* (с. 4, 14, 59)

Обложка выполнена *Александрой Николаевой*

Редакционный совет: *Д. А. Чугунов* (редактор-составитель),
В. П. Нацентов, Э. О. Пархоц, П. А. Пономарёв, В. В. Тулупов

dr-chugunov@yandex.ru

Мы ищем друг друга

Дмитрий Чугунов

Две тысячи двадцатый год выдался весьма необычным на события, ощущения, размышления. Будучи извлечены из привычной реальности, мы вместе с тем выпали и из угнетающей человека Обыденности. Многие легко вспомнят, как солнечной весной задумчиво смотрели из окна на пустые улицы, как украдкой пробирались в последние работающие кофейни, чтобы встретиться там с такой же поэтической душой. Одни из нас начинали коллекционировать весёлые картинки о ковиде. Другие бросали клич по всей Руси великой, собирая уже трагически-философский сборник стихов всё о том же вирусе. Третьи уходили в себя, принципиально отказываясь признавать реальность.

Несмотря на разницу судеб и положений, мы все оказались представлены Его Величеству в мире человеческого бытия – Одиночеству. И тогда всё переменилось.

Уединение тем и прекрасно, что помогает человеку понять, сколь много доброго в нём заложено. Погрязнув в повседневном эгоизме, мы и не догадываемся о таких вещах. В одиночестве 2020 года стала возможной каждодневная работа души. В уединении мы смогли наконец-то оценить свой внутренний мир – и нам открылись новые пути, новые решения, новые возможности. Вот, например, у Ивана Нечипорука:

*Доброе слово, из боли проросшее,
Станет предвестником песен и книг...*

Александр Дюма сравнил обретение одиночества с обретением веры в Бога. О похожем писал Райнер Мария Рильке. И ещё Омар Хайям. И Бродский... И ведь действительно, только наедине с собой человек может поделиться с Богом сокровенным. Человек начинает тянуться вверх. Возможно, делается лучше.

Однако тот же Дюма справедливо заметил, что одиночество следует разделить с другом. Тогда оно превращается в волшебство, в сон наяву. И уже не бытовые обстоятельства волнуют нас, не сиюминутная прелесть, а нечто иное. Мы спрашиваем о сокровенном, о важном. Мы сами даём честные ответы. Ищем настоящую жизнь. По-настоящему ищем друг друга.

Как написала Елизавета Хапланова:
*Год 20-й уйдёт и оставит особый урок –
Пониманье того, что мы все, словно вздох, неделимы...*

В шестьдесят пятом выпуске «Дня поэзии ВГУ» мы постарались показать всё это.

«Университетская муза» уже давно немыслима без раздела, в котором гости университетского праздника шлют нам свой привет издалека. Ведь «День поэзии ВГУ» – это пространство хорошего поэтического слова. Опубликоваться здесь – почётно.

Во времена, когда мир разделяется карантинными границами, мы ввели рубрику «Славянский базар». В ней вы найдёте необычные публикации – не только на русском, но и на сербском, белорусском, украинском языках... Различные края и страны, города и веси не мешают нам быть единым духовным организмом. При этом воронежец легко пишет стихи на украинском языке, а поэты из Сербии или Белоруссии – на русском. Поэтическое двуязычие мне видится не каким-то лингвистическим феноменом, а в первую очередь явлением высокой Культуры.

В этот же ряд поставим и искусство перевода. В альманахе стихотворение Луизы Глюк, лауреата Нобелевской премии 2020 года, соседствует с переводами на английский язык стихотворения, появившегося на свет в далёком 1945 году. Если кто не знает, его автор – Анатолий Михайлович Абрамов (1917–2005), – замечательный профессор филологического факультета, поэт, литературовед, фронтовик...

Воронежский университет являет миру не только интересных поэтов, но и вдумчивых исследователей, внимательных наблюдателей за тем, что происходит на Парнасе. Об этом читайте в разделах «Лирика в современности», «Поэтическое движение на современном Донбассе».

Завершают альманах частушки, присланные нам с физического факультета. Университетский фольклор, на мой взгляд, звучит по-особенному трогательно в эпоху нашей разделённости экранами мониторов. Мгновения общего бытия, запечатлённые в простых строчках, суть не что иное, как свидетельства нашего вечного университетского единства.

Почти две тысячи лет назад первые христианские анахореты устремлялись в Фиваиду, чтобы без помех познавать главное для себя – Бога. Мы, разделённые 2020 годом, смогли после первого замешательства использовать это время уединения для внутреннего роста. Однако итогом стали не только ответы на давние, трудные вопросы, и не гордость пройденных дорог, и даже не новые книги. Уподобившись Творцу до сотворения мира, мы внезапно ощутили скуку. И стали искать другого человека, другую родственную душу. Стали искать (или вспоминать) наш общий мир. Собственно, альманах «День поэзии ВГУ LXV» – об этом.

Университетская муза

Марина Баранова

Выпускница факультета ПММ, давняя участница Дней поэзии ВГУ

Мир

К юбилею окончания Второй мировой войны и нашей Отечественной

Скажу вам чётко, просто так:
Моя позиция проста.

Как женщина – я за *Любовь*.
Семья и счастье были б вновь.

Как гражданин – против войны.
Лишь дети нам всегда ценны.

Как человек – за *Дружбу, Мир*.
Без злобы чтобы, без границ,
Без стен, колючек и без виз.

Лицо от слёз склонивши вниз,
Упавши на колени, ниц,
Забуть про ужасы войны,
Где кровь, страдания и вши...

Вот хорошо бы было так:
По полю чтоб ходил не танк,
А трактор новый и комбайн.
Войне – прощай, а не гудбай!
Шагнуть бы вместе, в ногу, в такт.
Любить бы всех, имея такт.
И там и тут *Весна и Труд*
Обиды дружно перетрут.

Сказать бы громко, просто так:
Мы все – не те, и я – не та.

Как славно б изменились мы!
Как круто б изменился *Мир*!

Ольга Булахтина

Выпускница филологического факультета

О любви шептало лето.
Ничего не зная о ней,
На бубнового валета
Я гадала в тишь ночей.

Потакая грёзам тайным,
Обещали карты вновь
И бубновое свиданье,
И бубновую любовь.

Беззаветно доверяясь
Предсказаниям простым,
Я всерьёз мечтать боялась,
Что мы вместе будем с ним...

Распахнуло счастье двери,
Но дорога вдаль звала.
Был валет и мил, и верен,
Только дама подвела.

Ещё сады потрёпанную зелень
Не поменяли на рубин и медь.
Но знаешь ты: мы снова не успели
В теплыни лета души отогреть.

Сентябрь пришёл, и это не изменишь.
Пусть растеряли мы себя в пути,
Ещё не поздно, если мне поверишь,
В осенней мгле друг друга обрести.

Владислава Бурносова

Выпускница филологического факультета

Ты знаешь, у меня всё хорошо.
И вечерами я хожу на йогу,
И в тишине пью свой любимый йогурт.
Да, Ирка, у меня всё хорошо.

Я чай сама заваривать умею.
Без мяты, правда. В тишине апреля
Блины пеку и тесто лью скорее.
Да, Свет, я ни о чем не сожалею.

Но знаешь, в тишине того апреля,
Когда лишь холод звёзд нас согревает,
Я думаю о вас, не забывая...
И знаете, мне так вас не хватает!

Всё будет хорошо. Я вновь поверю,
Когда внезапно в тишине апреля
Ты распахнёшь в мою квартиру двери
С букетом мяты, пахнущим теплом.

И вновь у нас всё будет хорошо.
У нас троих, как там, в далёком детстве...
Хочу в воспоминаниях согреться...
Но никуда от жизни нам не деться...

Ты знаешь, у меня всё хорошо...

Ануш Давтян

Доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики

Не могу себя найти

Хожу вокруг да около,
Смотрю в большое зеркало,
А там черно и цоканье,
И колокол гудит.

Хожу вокруг да около,
Замёрзла и промокла я.
За дверью и за окнами
Никто не говорит.

Хожу вокруг да около,
Зову я красна сокола,
Но чавканье и чмоканье
За стенкою звучит.

Не могу себя найти,
Мне к себе не подойти,
Мне с собой не по пути,
Хожу вокруг да около...

Насмешка

Шумно, тесно, неуместно,
Неуютно жить на свете.
Раз за разом невпопад,
Как незрелый виноград,
Кисло морщу лица умных,
Застреваю в людях шумных.
Ни пробиться, ни пройти.
Ни вздохнуть, ни отойти.
Будут шашками махать
И винтовкой угрожать,
И любовь сулить до гроба.
А потом смеяться будут
Незатейливо, утробно,

Что поверить им смогла,
Дура дурую была,
Расплескалась вхолостую,
Свою честь не сберегла
И коробочку пустую
За подарок приняла.

Владимир Емельяненко

Выпускник физического факультета, член клуба поэтов «Лик», публиковался в журнале «Подъём», автор двух поэтических сборников

1

Смердит свеча, саднит в груди:
Злой чад от дымохода.
Тишь, стук в окно. Мол, погоди, –
брат-ветер. Эх, погода.
За стенкой бравый спит курьер,
Слагая горлом оды.
Сон – та же служба. Марш-карьер
под ветра вой: Погода.
Как прискакал, всё рвал-метал,
Мол, подавай, и – ходу.
Грозил, выхватывал металл.
Ему в ответ: «Погода».
На станции – ни ямщика,
Чего не видел сроду.
Ненастья жёсткая рука...
Такая, брат, погода.
Достань дневник. Бери перо,
Описывай невзгоды.
Быть может, утром взмах: «Добро».
Но нынче, брат, погода.

2

Ватник, пропахший бензином,
вынь, на сиденье стели.
Вынула все твои силы
Чёрная глубь колеи.
Грейдер, разбитый до ступиц,
Жалкий трансмиссии вой...
Серые дали распутиц
ночь эту будут с тобой.
Ладно, дополз: дом, колодец.
Поле. Но сердцу – уют:
Всё же живёт здесь народец,
Завтра и чаю нальют.
Утром. Долить радиатор.
Да! И ремень подтянуть.
Что-то ещё с термостатом...
Мелочи. Завтра бы – в путь.
Эх, ветерка бы с восхода,
Солнца бы часика три.

Льёт на капот непогода.
Мокро. На нём и внутри.
Ладно уж. Спи, не впервые
в этом погроме дорог.
Помнишь? «Хохляче нэ вые!»
Спину твою держит Бог.

3

Знал же, что по трассе – непогода,
Что за Доном впереди метель,
Но твоя упрямая порода...
И Серёга, встречный:
«Не робей.
Я прошёл, там, правда, наметает,
Но идётся.
В общем, сам решай».
Да. Похоже, что метель не злая.
Плавали,
И есть у бури край.
Змейками спешит снежок по трассе.
Ух. Похоже, будет нелегко.
Спуск-подъём,
а за подъёмом: «Здрассьте».
Ветер в лобовое.
Молоко.
Молоко метели в лобовое,
Иглами, как кажется, в лицо.
От ямщицкой песенки родное,
От рассказов дедов и отцов.
Что уж?
«Не робей», – сказал Серёга.
Снег летит от серых встречных крыш.
А дорога, как всегда – дорога,
Не отменишь,
не уговоришь.
«Не гадай», – сказал тебе Матвеич,
Вот уж шоферюга –
Бога дар:
«Не уговоришь и не отменишь.
И работай. И держи удар».
Впереди – попутной габариты,
Тоже режет ветер и метель.
Вспомнишь всё:
сугробы и бандиты.
Что ж сегодня?
Жёнушке в постель?
Ну, рули, как будто здесь погода:
Там, за Богучаром, солнца блеск
по снегам: дорожная свобода.
Прорывай и бурю, и замес.
Что погода, что твоё ненастье,
Прорывайся: «Господи, спаси!»
Там, за стенкой небо скажет: «Здрассьте».
А дороги?
Снежны на Руси.

Анастасия Еремина

Студентка филологического факультета

Пред образами, с мыслями собравшись,
Создав последние остатки сил,
Она молила Бога за просящих,
За тех, кто вдруг невольно преступил.

Под шёпот тихий вздрагивали губы,
Неясный отблеск озарял черты.
И девушка смотрела в светлый купол,
Как будто в нём защита от беды.

И голос плыл по утреннему храму,
Ввысь уводя от пошлости и лжи.
Стояла и твердила прихожанам:
«Иди, мой друг, и впредь не согреси!»

Свой крест сжимая тонкими руками,
Молитву устремляла в небеса,
И проносились яркими мечтами
Святые, вдохновенные слова.

Казалось ей, что можно всё исправить,
Спасти добро и вырваться из тьмы.
И каждый, кто был в храме с нею, ставил
Свечу как символ веры и любви.

Любовь и предательство следуют вместе –
Уж так повелось с самых ранних времён,
Что кто-то, целуя, ведёт на путь крестный,
А кто-то скрывает, что с нами знаком.

И эта история сложным мотивом
Врывается в жизнь, не давая уснуть.
Слова о любви перед грозным разливом
Хранят в себе часто жестокую суть.

Что значат они перед вызовом смерти?
Как можно предательством свету служить?
Но верил Иуда, что волею твёрди
Восстанет народ, чтоб Христа защитить.

Надеялся Пётр, что люди очнутся,
Своими слезами омоют Его,
Что искры добра в душах снова зажгутся,
И всем станет в мире светло и легко.

Но предан Христос, он распят на Голгофе.
К чему теперь лишние речи вести?
Так нравится многим прикрыться любовью,
Чтоб только себе оправдание найти.

*(Размышление после прочтения повести
Леонида Андреева «Иуда Искариот»)*

Тропинка, ведущая к старому дому,
И ветхая крыша под клёном в тени
Так часто мне снятся как место покоя,
Где я провела свои детские дни.

Я помню беседку, а в ней разговоры
О том, что поспела клубника в саду.
Там с ветром играют прозрачные шторы,
Доносится смех на заросшем пруду.

С сестрой собираем смородину, вишню,
Сквозь гущу крапивы босые идём.
Мне кажется, что это вовсе не снится,
Что мы до сих пор там гуляем вдвоём.

Обеденный сон и вечернее чтение,
А после игра по мотивам из книг.
Блины со сгущёнкой и вкусным вареньем,
Горит на стене желтоватый ночник.

И вдруг темнота...появляется город
С особенной жизнью, где всё по часам.
У каждого здесь есть стилист и психолог,
И каждый спешит по конкретным делам.

Беседы пропитаны скукой и грустью,
Ответы «да», «нет», «наконец, выходной».
А в детстве мы прятались в листьях капусты,
Чтоб нас не нашли, не загнали домой.

Давно уже нет той тропинки и сада,
Веду свой дневник с расписанием дня.
Но вижу ночами я гроздь винограда
И ветхую крышу из детского сна.

Вера Калашникова

Выпускница факультета ПММ

На Битюге

Сквозь узкие протоки пробираясь,
в затоках расслабляется река.
От края леса до земного края
под рукавом моим её рукав.

Я на бугре и луг держу в ладонях,
но реку невозможно удержать...
Меж пальцев остаётся жёлтый донник
и на ладонях – зрелости печать.

Хозяйка хаты

Не ждала гостей хозяйка хаты
и не вышла на порог встречать:
прошуршало в огороде платье,
промелькнула смоляная прядь.

Мы в её отсутствие как дома
жили и с бугра глядели вдаль...
Накрывала летняя истома,
освежала быстрая вода.

И одежду выстирали в речке,
собирались в город уезжать...
Чинно проползла и скрылась в печке
длинная гадюка-госпожа.

Славление

Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.
А. А. Ахматова

Обывательской мерой – недюжа,
охладила томительный жар,
отпустила ребёнка и мужа,
но оставила песенный дар.

В храме сердца пою литургию
я сквозь тяготы сумрачных дней, –
и во мне вновь сияет Россия
в ореоле всеславных лучей.

Анна Ковалёва

Выпускница факультета РГФ. Технический переводчик. Участница воронежского областного Соперничанья молодых литераторов (2018), фестиваля «Бунинские Озёрки», форума «Осиянное слово» (2018), всероссийской Школы писательского мастерства Центрального федерального округа, Литературного Фестиваля в Казахстане (2019). Публиковалась в журналах «Подъём», «Юность», газете «Мысли(!)» (Воронеж)

Я люблю засыпать. Но мне страшно проснуться,
Повернуться, как ключ в безответной двери,
За которой шаги, словно ласточки вьются:
– Сотвори мне грозу и себя сотвори.

Расступаются волны немого «не надо».
Распускается небо в согласном саду,
И на тёплое дно опустевшего взгляда
Наступает холодное слово «приду».

Покрываются влагой бумага и руки,
И приходит ко мне, словно на водопой,
Напиваться грозой – от души и от скуки –
Ошалелая память с подбитой губой.

Созвездие

Да будет так.
Немые облака
Заденут подоконник плавниками.

Качнётся воробей,
И плоскость ветки
Не станет измерительной линейкой.
Она качнётся тоже и изменит
Расклад фигур в калейдоскопе сонном.
Всё перестанет быть, как мне хотелось.
Последний бледный призрак потанцует
И растворится в воздухе при свете.

Да будет так,
Когда потянет ветер
И свой клинок небесный меченосец
Вонзит в медузу мятой занавески.

Да будет так!
Никто не знает тайны,
Что под кроватью мирно спит
Созвездие
И тычет острым и лучистым носом
В укромную сиреневую пыль

Запахать за воротник.
Отлежится, не исчезнет,
Но хотя бы отболит
В самой неглубокой бездне.

Что ещё тебе сказать?
Что ещё я не сумею?
Снега белые глаза
Приближаются, как змеи,

Как пылинки на кровать,
Но увёртливее, злее.
Что-то лучшее принять
И отдать – уже не смею.

После будут фонари
Делать маленькое чудо.
Всё, что хочешь, – о любви.
Только я любить не буду.

Можно просто добежать
До пушистой остановки,
Сжать губами слово «жаль»,
Посмеяться зло и громко.

Слоны

1. Солнце слепнем на землю садится.
Щупает. Вспоминает.

Глина срезана колесом.

Это спины слонов.

Их сон, тяжёлый, как камень,
принимаящий образ шара.

Черепахи. Забытой плахи,
старой, стонущей под ногами.
Стал бы сон мимолётным,
волшебным,
Словно белые бабочки пара или
падающая звезда...
Но он длится и давит, и давит
на морщинистую шею.

Не закончится никогда.

Пока слоны спят и тихонько щекочут
друг друга ушами
И слепень сосёт доверчиво из суровой чужой ладони,
Я толкаю ворота с силой, и железо визжит, как память
неподвижной немой земли.

Но нельзя никого отпустить. Только – помнить.

2. Из танцующей гибкой дали,
Нарисованные безумцем,
Непонятно зачем шагали.
Никогда не смотрели в небо.
Это было чужое слово,
Что давало им цель и силу.
Это были мечты и земли
Без начала и без конца.
Чтобы кончились путь и время,
Но самим не пришлось кончаться,
Отдавали тела пустыне,
Как чужие долги и дани.
Оставалось – своё:
Терпение.
И невидимое сражение.
Тени.
Бой барабана. Слово.
Только им дорогое слово,
Чтобы долго в закат трубить.

Солнце видело – чёрным веером,
Удлиненными тонкими пальцами,
Потянулись назад, до дома...
Остальное дошло до цели.
От невидимой взору ramпы.
К нарисованной кем-то сцене.

Дальше –

3. Альпы. Тепло медленно наступает
на лёд толстыми серыми пятками,
Трогает хоботом сладкий край забелённой лужи.
Провести бы рукой по спине твоей вдоль
Жизнь, животное, кроткий солдат Ганнибала,
Но! – женщина ставит на землю ведро,
и я вижу – дно. Рана.
Штамп «10 l» на блестящей грязи.

Солнце слепое кружится.

Рук не хватает. Глаз не хватает. И мужества
Оказаться вблизи.

Солнце. Я вижу то, во что ты не веришь:
Голод,
Пар от тяжёлой кожи,

Твой ясный свет.

Солнце. Я слышу то, чего ты не видишь.
Бой барабанный,
В котором, конечно, нет
Победивших.

Дмитрий Колесниченко

Выпускник филологического факультета

Апокриф

Ну кто купил сегодня этой дряни?
Ведь это даже не вино – помои!
И кислое, и слишком молодое,
Совсем не то, что пил когда-то в Кане.

На свадьбе там гулял давным-давно.
Мы выпили уже по полторашке
(вино, конечно, лучше этой бражки),
И вдруг – облом! Закончилось вино.

Тут кто-то из гостей сказал на спор:
«Налейте в вёдра воду из-под крана».
Ну мы налили – честно, без обмана.
Глядим – а в вёдрах до краёв кагор!

Как имя тому гостю, дай бог память?!
Быть может, его звали Иисус?
Не помню ничего, когда напьюсь.
А славное вино мы пили в Кане!

Что б ни строили люди на свете –
Тайный скит или явный бордель –
Перестроят подросшие дети
Под свою, под иную модель.

Жизнь недаром течёт по спирали –
Я тружусь с напряжением жил,
Чтобы дети когда-то сломали
То, что сам из обломков сложил.

Дивногорье

Застыли в небе дивы меловые,
Отточенные ветром за века,
И время здесь течёт неторопливо,
Как тихая равнинная река.

Над бывшею хазарскою твердыней,
Ленясь махнуть крылом, парит канюк,
И облака застыли в небе синем,
Ленясь отсюда улетать на юг.

Заставив вздрогнуть меловую гору,
Пройдёт на Лиски грузовой состав,
Но звук его растает слишком скоро,
И снова – только тихий шелест трав.

Людские царства падают в могилы,
Непрочные, как замки из песка.
А здесь застыли дивы меловые,
Отточенные ветром за века.

Самоизоляция

Стоят жердели в розовой пене,
Колышет ветер ветви тополей.
День будет ясным, истинно весенним,
Прекраснее других апрельских дней!

Мир чист, как будто вымыт в автомойке,
Пускает в окна зайчиков рассвет...
Я вышел прогуляться до помойки,
Держа за ручки мусорный пакет.

В городе

Кружил сегодня среди старых улиц,
Где не теснится небоскрёбов строй.
Они то в гору медленно тянулись,
То, вдруг вильнув, скрывались под горой.

А под ногами – старая брусчатка,
Асфальт, покрытый сеткою морщин,
Везде неровно и не слишком гладко,
И нет столпотворения машин.

Вот дом-невеста, рядом – дом-калека,
С фанерным на одном окне бельмом.
Одни дома – из нынешнего века,
Другим – давным-давно пора на слом.

За домом дом, и нет конца и краю,
Не так уж этот лабиринт и мал.
Что здесь хотел найти – и сам не знаю.
А может, ничего и не искал.

Передача

Кривые сосны из песка в рядок торчат,
Дрожит берёза, осенью помечена.
Привёз в больницу передачу для отца.
Автобус дальше не идёт – конечная.

На север – город стал шеренгами домов,
Южнее – тёмный лес до горизонта.

Одним лежать здесь только несколько дней,
А кто-то не придёт домой. Как с фронта.

Одним – лететь в осенних низких небесах,
Другим – пока остаться в этом мире.
Тут жизнь подвешена, как будто на весах.
Пускай же мой гостинец станет гирей!

Константин Кондратьев

Выпускник экономического факультета, член клуба поэтов «Лик»

*** (Чёрная речка)

«Чур-три – нет игры...»

Няня, можно – понарошку
Я мочёную морошку
попрошу?..

Попрошу печатный пряник,
Под луною конопляник,
анашу...

Попрошу лежать у печки,
Попрошу на чёрной речке
алый снег

Под лучом косым январским.
Попрошу подарком царским –
детский смех...

Попрошу покой и волю,
Попрошу кузэна Колю
и Annette...

Только – можно? – понарошку...
А себе оставлю крошку:
белый свет...

*** («Глаз превращался в хвойное мясо...»)

Памяти Саши Ромахова

День стоял безголов и безглаз
сплошняком. От рассветной мглы до закатного часа
душно парила прелью листовая масса.
Сквозь неё электричка неслась
ровно в пять по бугру – то ли в Рай, то ли в Лиски.
Семафор мигал и багряно слеп,
превращая ватные столбы в чёрные обелиски
и ненужные коммы – в гранитный склеп.

День стоял и стоял, и остался стоять, раз начат.
На еловой насыпи – никого, кроме меня.
Я стою и слушаю, как в утробном щебне скачут
на всё тех же розовых,
тех же багровых конях.

*** «А Дон еще как полукровка...» (О. М.)

...не время – бремя вечеров...
– начавшихся перед рассветом
утробным, будничным приветом
по насыпи товарняка...

Тяжеловоз взбирался в гору
подобно ангельскому хору,
и я не знал наверняка:
я *будь готов* или *готов*...

Дрожали стены, ветхий кров
летел и шелестел всей дранью,
хрипел петух из-за забора
соседского... И вместо хора –
мы все вставляли этой ранью:
гулять собак, кормить котов...

– И этим начинался вечер:
стихал гусиной кожи ветер,
мычала божия коровка,
в окошке безжило едва...

– (и дух выветривался бражный –
«лесостепной, донской, овражный»)

и жизнь ещё как полукровка...
и далеко до Рождества.

*** (Нашествие)

Снег – это пух:
он тяжёл.
Бремя его нелегко.
В окнах соседних – свет жёлт.
Улица – как молоко.

Обочины – как кисель.
Зреет в подвалах брага.
А по заборам хмель
в шапках державного блага.

Словно огарки свечей,
фонарики вкось догорают
по-над плечами до шей
забитых в сугробы сараев.

Сверх крыш, придавленных здесь
предновогодьем старым,
позёмкой несётся весть:
«Скоро прийти татарам!...»

...И далеко-высоко –
хлебушка звёздного рига:

«*Бремя моё легко.*
Благо моё иго...»

*** (Фермата)

(«Я знаю: век уж мой измерен...»)

Жизнь как кино.
Точнее – как его, кино – съёмки:
дубли один за другим, кадры всё более ёмки...
– а после: «Снято!» – и никаких НО...

Жизнь как вино,
точнее – как дегустация:
всё позабудется, останется лишь послевкусие...
– (у меня почему-то не дуб. Не слива, не липа –
акация!..
но тоже старая, с дубовой скамейкой, где-то на
третьем курсе...)

Жизнь как домино.
Точнее – до-ми-ре-фа.
Чёрное с белым. Точки и квадраты.
Частные почеркушки, ножки и юбки задраты...
НО...
– «онегинская строфа»

Оксана Лесовик

*Старший лаборант кафедры конституционного и
муниципального права юридического факультета.
Член поэтического клуба «Левобережье». Автор
пяти стихотворных сборников*

Где они прячутся, эти стихи?
Нет их в стакане для ручек.
Нет на бумаге. Тетради плохи
Для поэтических штучек.
Где они? В самых обычных вещах,
Чтобы их сразу забыли.
Рифма лежит на столе в овощах,
Плавает хлопьями в мыле,
Рифма пылится на полке в шкафу,
Катится камнем под ноги.
Я вечерами встречаю строфу
На оживлённой дороге.
Дома остался блокнот, и притом
Ждёт неотложное дело?
Нет для рифмующих слова «потом»,
Многого я захотела.
Очередь? Сроки? Автобус битком?
Кто из вас муза? Скорее!
Вредная девка, прикрывшись листком,
Шепчет проклятья хореем.
Дактиль! Анапест! Гекзаметр! Ямб!
Может мелькнуть и растаять.
Очень счастливою стала бы я б,
Кабы не девичья память.

Спичечный коробок

Лежит на ладони спичечный коробок.
Помятый. Обыкновенный.
Картонный тайник от времени уберёт
Кусочек другой вселенной.
Чудной универсум! Сколько загадок в нём,
Забав и несоответствий.
Ведь спрятала в коробке я однажды днём
Своё золотое детство.
Значок? Этикетка? Пуговица? Бутон?
Осколок стекла? Колечко?
Вселенная, облекаясь в простой картон,
Становится бесконечной,
О стенки стучит. Мне чудится этот стук
Сквозь годы, знакомый слишком.
И я, пропустив вселенную между рук,
Опять отодвину крышку.

Слова

Я очень уж люблю слова,
Смакую их, во рту катаю.
Забита ими голова,
Они же булькают в гортани.
Поймите: магия в быту –
Графемы складывая в группы,
Смешно растягивая губы,
Сказать и суть, и ерунду.
И брань, и шутки, и хвала,
И ложь, и клятвы, и молитвы –
Всё смешано в одной палитре,
И мало букв на все слова.
В плену страниц храню их звон,
Их хруст и шелест как гербарий,
Ведь буквы – мой инструментарий,
Мой ключ, мой меч и мой заслон.
А за словами, чуть дыша,
Скрывается моя душа.

Чаща

Квадратный белый потолок.
Прямой забытый уголок.
Бывает, мысли утолок,
Втоптал их в почву семенами
Подавленных обид и склок,
Но они всходят между нами.
Упруги стебли, высоки,
Моим желаниям вопреки
Они меня уволокли
И заперли в дремучей чаще.
Молчу, но ходят желваки:
Я в том лесу давно пропащий.
Там, в духоте и тесноте,
Все чувства лишние, не те,
Любовь как воду в решете
Таскаю к сорнякам проросшим

В своей душевной наготе
И повторяю: «Я хороший.
Ты тоже очень хороша».
И мысли вянут не спеша,
Их стебли робко вороша,
Сквозь поредевшие чащобы
Свободно движется душа,
Срывая тень минувшей злобы.
Мой потолок, как прежде, бел.
Его увидеть я сумел,
Когда хват чащи ослабел,
Когда любовь осталась в сите,
Я осознал, что мой удел –
Быть с ней, о большем не просите.

Полина Меркулова

Студентка факультета международных отношений

Выводя обожжённые пылью войска
из города Прошлого,
Оставляй в своей памяти только то,
что было хорошего,
Забывай обиды, ссоры и слёзы горькие,
Помни добрых людей, рассветы и цели высокие.
Караван Настоящего не идёт в город Прошлого,
Он идёт сквозь туман к морю Возможностей.
Главное только – в дороге не сбиться с пути,
Карт точных нет, сам попробуй найди,
Когда в тёмном небе увидишь звезду,
Знай, ты нашёл наконец-то мечту.

Дарья Набережанская

*Студентка 1-го курса факультета ПММ. Номинант
литературной премии «Георгиевская лента»*

Прости, паук

Прости, паук, что утром ранним
Разрушил веник все мечты,
Но таково твоё призванье:
Погибнуть ради чистоты!

Все мы чем-то больны:
Первые гордостью,
Вторые подлостью,
Третьи храбростью,
Четвертые наглостью,
Пятые хитростью,
Шестые наивностью,
Седьмые ложностью,
Восьмые пошлостью,

Девятые корыстью,
Десятые новостью.
Все мы чем-то больны.

Василий Нацентов

*Магистрант факультета географии, геоэкологии
и туризма. Член Союза писателей России и Союза
писателей Москвы*

Над Чёрным прудом августовский жар,
как чья-то плоть на кончике ножа,
как белый пепел – времени равнина.
Я отпустил тебя, ладонь разжал:
о бабочка отца в ладони сына!

Осенью дачные стёкла похожи на дагерротипы:
позитив – негатив –
поздний солнечный луч из-за леса выхватив.
Память с зеркалом смотрит в себя.
Свет – как песок сквозь пальцы.
Юности не заметив, старость губя,
мычит удэгейцем, нанайцем,
как шаман растягивая слова.
Под самыми окнами ходит мысленная сова.
Рассыхается рама.
Трескаясь, позванивает ложечкой на подносе:
Инокентий, Борис и Осип [Иосиф].
Загадочна амальгама.
Звуки, острые в мороз, как солома,
прячутся по углам притихшего дома:
нимфалида уснула, а не умерла –
на спинке венского стула бабочка-адмирал.
В выходные приедут укрывать виноград.
Дрогнут стёкла.

Затрещит буржуйка.
Полы заскрипят.
И оттают крылья. И усики зазвенят.
Заедут к Новому году.
На Рождество останутся ночевать.
Бабочка будет просыпаться и засыпать,
а весной подумает, что в раю.
И улетит. И не вернётся:
батюшки-бай-баю.

воскресный вечер дымный пригород
как электрический – закат
стихотворенье д. а. пригова
с любого места наугад
иду но далеко до станции
скворечники набухших дач
как дотянувшие до старости
спокойны и счастливы знач
и жизнь ещё долга и муторна

хотя вскопали огород
и высохшая куча мусора
гнильцой осенней отдаёт
вот загорятся звёзды за рекой
и поздний поезд простучит
какой же я земной и маленький
в межгалактической ночи

о-кажется не скажешь и полслова
о ветке дерева
и дрогнет целый лес
простимся!
нам столько места дали для разлуки
с чужинной ласточкой на память в уголке

Как ни крути, а что-то теперь другое:
воздух, дыхание времени, всё такое.
Сам – длинный, как дождевая линия,
стал другим.

Только круги (на воде), круги.
Парк осенний под утро такой прямой:
вытягиваются ветки вдоль туловища:
к зиме, к земле,

как бы к себе домой.
Неловко тревожить. Обходишь.
Плехановская. Проспект Революции.
Просыпающийся Воронеж.
И идёшь под октябрьский чудной снежок
за шажком шажок.

Валентин Нервин

Давний участник Дней поэзии. Член Союза российских писателей. Лауреат многочисленных литературных премий

ПАСХАЛЬНЫЕ ДНИ

Мария

Выше города – небо весны –
надо всеми домами, дымами...
Но какие заветные сны
пролегли между небом и нами!
Накануне живого тепла,
по традиции патриархальной,
просыпаются колокола
на ликующей ноте пасхальной.
Возле храма толпится народ:
кто венчается, кто поминает,
а Мария сидит у ворот
и младенца в тряпье пеленает.

Жизнь устаканилась,
и понемногу
определилось её существо:
я направляю послания Богу
и получаю ответы его.
Если идти по течению Леты,
то получается, как ни крути,
что доставляются эти ответы
через людей незнакомых почти.
Вон, рыбачок у причала шаманит,
я подойду, за спиной постою;
он обернётся и запросто глянет
с облака
в самую душу мою.

На Пасху

Пасха –
чудо,
целование,
ликование кругом,
а какой-то пьяный Ваня
пнул собаку сапогом.
В день высокого Завета
и поверженного зла,
чем ему собака эта
не по норову была?
Неужели настроенье
человека таково,
чтобы в это Воскресенье
пнуть живое существо?..
Сколько мы не вопрошали,
разобраться не могли –
черти следом поспешали,
Ваню под руки вели.

Не черёмуха и не сирень,
а душа расцвела к Первомаю.
Я гуляю – берет набекрень –
и судьбу,
 словно ветки, ломаю.
Потому что деньгами сорю,
не считайте меня сумасбродом:
я Вам эти цветы подарю
мимоходом,
 почти мимоходом.
Вы поставите их у окна,
чтобы с улицы видели сразу,
что на сердце и в доме весна
и черёмуха –
 как по заказу!

Ночной трамвай

По следу ночного трамвая
летят золотые огни,
до самого Первого Мая
продлятся пасхальные дни.
А воздух пропах куличами,
поэтому тошно чертям
шататься такими ночами
по нашим трамвайным путям.
Гуляй, чернозёмная рота! –
любая душа, на пропой,
усыпана до поворота
яичной цветной скорлупой.
 Я даже не подозреваю,
 что время глядит на меня
 с подножки ночного трамвая,
 на стыках пространства звеня.

Аркадий Пресман

Выпускник филологического факультета, давний участник Дней поэзии ВГУ. Публиковался в журналах «Новый мир», «Юность», «Молодая гвардия», «Подъём», детских журналах «Пионер», «Костёр», «Мурзилка». Член Союза российских писателей

Ночью

Грустная штука – бессонница,
трудно её превозмочь.
Многое-многое вспомнится
в долгую зимнюю ночь.

Тонут окрестности в памяти,
звёзды теряются в ней...
Сложно живётся без памяти,
с памятью – вдвое сложнее.

Ошибка

Случайный недогляд – и слов сломался строй,
и выглядит строфа корявой, а не гладкой,
она искажена, испорчена порой
невольной, небольшой, неброской опечаткой.

Ошибки исправлять попроще, чем грехи.
Сходились мы не раз в бескомпромиссной сшибке.
Я, вроде, побеждал, но намертво в стихи
врастали незаметные ошибки.

А всё же различу пленительно-родной
овал её лица, что проступает зыбко.
Любимая – в стихах, но нет её со мной...
и здесь неисправимая ошибка.

Однажды

Поэт самолюбивым должен быть,
а всё-таки не очень заноситься.
И в поздний час, когда ему не спится,
рассветный луч не слишком торопить.

Мои стихи – они порой лихи,
но тихой ночью, близких не тревожа,
перечитаю Тютчева, и, боже,
мне станет стыдно за свои стихи.

Поймёшь на склоне пережитых лет,
почувствуешь и силу и бессилье
страны, которой на планете нет, –
Советской поэтической России.

Не хочется таить себя в себе
и ждать особой творческой погоды,
а хочется наперекор судьбе
спешить на голос внутренней свободы.

И хочется легендам вопреки
постигнуть, перед музами склоняясь,
витийство Блока, Хлебникова замесь
и чуда пастернаковской строки.

Валентин Рахманин

Вечный студент ВГУ, участник и организатор Дней поэзии с начала 1950-х годов, доктор философских наук, профессор

Разговор с 21-м

1

В одном историческом поле
И с таинством мысли в глазах
Сошлись мы с тобою невольно
На совесть, а не за страх
Делиться успехами, болью
В заботах, в дерзаннях, в делах.
Век Двадцать Первый!
Обнимемся, что ли?
Иль разойдёмся в сердцах?

2

Ты молод, а мне девяносто.
Меня не влекут миражи.
Скажу по секрету: не просто,
Не просто столетье прожить.
Съедем по два центнера соли,
Любовь откровеньем омоет слеза...
Век Двадцать Первый!
В одной мы юдоли,
И многое надо сказать.

3

О том, как менялись люди, надежды,
Мечты воздвигали свои этажи,
Трудились таланты, глумились невежды,
Соблазны крутили свои виражи.
Свободу нельзя удержать на приколе,
А правду упрятать в гробу.
Век Двадцать Первый!
Обнимемся, что ли?
Но как ты претерпишь судьбу?

4

Веков не бывает без взлома
Душевных замков, крепостей,
Без славных побед и разгромов,
И ошалелых властей.
О том нам поведали в школе;
Учебники правду таили в словах.
Век Двадцать Первый!
Обнимемся, что ли,
Иль разойдёмся в сердцах?

5

Мы вышли с тобой из обломков,
Двадцатый сослал в архив,
О нём будут спорить потомки.
На перепутьях альтернатив.
Сгорели все алкоголи.

Извилины стонут в мозгах...
Век Двадцать Первый!
Подумаем, что ли?
Жить без раздумий нельзя.

6

Скажи откровенно и честно
(Отвечу тебе я потом):
Что же творим мы вместе?
Куда беспутно идём?
Мне не понятны сценарные роли;
Тревожит жестокий сюжетный замах.
Век Двадцать Первый!
А может, ты болен?
Растёт беспокойство в умах.

7

Россия над кризисной бездной
Пытается выстроить мост,
Питаюсь последней надеждой
На виртуальный рост.
Весь мир в глобальном расколе,
И все государства – на сквозняках...
Век Двадцать Первый!
Обнимемся, что ли,
Иль разойдёмся в сердцах?

8

А что затевают высокие власти?
Куда повернёт суверенный народ?
Что роет (спрошу тебя, кстати)
Во тьме исторический крот?
Скажи мне за круглым застольем:
Когда мы свободно вздохнём?
Ну, что ты молчишь?
Обиделся, что ли?
Иль неудобье таишь?

Пред ликом Родины суровой
Я закачаюсь на кресте.
А. Блок

Струится жизнь по быстрым жилам.
Но непроглядность за окном.
Наверно, счастье близко было
Там, за неведомым углом.
Но я туда не повернулся.
Не властно сердце над умом.
Пошёл другим я переулком,
Оставив время на потом.
Но растеряло смыслы слово
В сквозной и гулкой пустоте.
И сокровенно, и безмолвно
Качалась правда на кресте.
Менялись праздники и будни;
Сгорали страсти на кострах.
Всегда искали правду люди
И – распинали на крестах.

Лучше аптечного

Над собой научился смеяться
С самых ранних младенческих лет.
Смех – спасительное лекарство
От обиды, болей и бед.
Не в забаву и не для потехи
Нам однажды даётся жизнь.
И бывает так не до смеха,
Что и небо в раскатах дрожит.
Не прожить без тоски и печали.
В этом тайный заложен смысл.
В бытия основание в начале
Огорченье и радость слились.
От судьбы никуда я не прячусь
И за ветром сквозным не гонюсь.
Но вдогонку своим неудачам
Над собой грустновато смеюсь.
Это лучшее, что есть в аптеке
И что мне подарила Русь.
Я родился в двадцатом веке,
Над собой в двадцать первом смеюсь.

Сергей Рыбкин

Выпускник экономического факультета

виновен по закону бытия,
где умирала молодость моя,
я извернулся и в живых остался –

наполовину сломанный сустав,
я оживал, губа к губе припав,
к тебе и воздуху, что в воду собирался.

как страшно жить, но ведь язык поёт,
то в шёпоте запутан, то на крике,
став парусом, – свершается в полёт –
став чудом – утомляется в блицкриге

вот почему так дышится легко
в небытии, свободном от заботы –
я весь пою – отдельно от ЛИТО,
намеренно не попадая в ноты.

ночь открыта
любой заходи – не вернёшься
не спрячешься от
постоянного гула
который смолкаем
и снова разбросан
как черные бусы на пол
это все не приколы
как когда-то со мной говорили

Т. Мироненко

соседские девочки как сувениры
носили с собой перезвон
и я их любил
но шум их звенящий не слушал
а вырос – так вовсе
ношу тишину в рукавах
в высоком и лёгком
как дудочка воротнике.

На кухне холод
держит тишину остывший чай
и двигаться к нему
и пить его молчанье размыкая
так воду через горло пропускать
легко и нежно словно принимать
что ткань воды живая
настало утро страха больше нет
так одиноко шепчутся предметы
и книги беспокойно шелестят
от окон надувается сквозняк
в растянутую ветром занавеску
как будто до любви один полет
сквозь эти окна вставшие как двери
уставшие и в солнечной пыли
и где-то вместе с птицами поёт
большой любви тяжёлый кислород
дышать которым не сумели.

Хочешь выйти в окно, только первый этаж
Слава богу не вырос и выше него не подняться
Только выткать молитву из уличных ламп
Только штору со свадебным платьем
Перепутать и словно за руку твою за неё
поддержаться

Мир шатается наш и без нас совершает круженье
Когда яблоки снега наливом легли на асфальт
И ты так далеко, что весь воздух изучен кругом
И твоё отраженье
На всех окнах моих невозможно поймать.

В комнате ёлочко, много бумаг и книг,
Луч моложавый рухнул на пол и замер,
Жизнь задрожала, голос в груди затих,
Делаю вдох – кто-то заводит таймер,
Делаю выдох – время считать очки,
Воздух колюч и тяжёл для людского горла,
В небе сгорают спички, стучат сверчки –
Это почти незаметно, но слышно долго.
Сколько ни слушай, бытом про боль сказав,
Жизнь под язык положив для правдивых дикций,
Мокнут в свету и снегу голубые глаза,
Жизнь продолжает длиться.

Софья Сафронова

Студентка факультета РГФ

Датой на надгробии

Не хочется в итоге
датой на надгробии
остаться,
казаться
забытой всеми
под этой елью
и плакать,
и каркать
вороной чёрной.
И обречённой
лежать.
И не дышать
под слоем земли.
Зачем обрекли
на смерть?
Душ
неприкаянных много,
и трупов убогих
не вспомнят.
Скромно
кресты их стоят
у молодых ребят
здесь.
Есть
и на этом кладбище
братьев могилы, товарищей.
Здесь.
Весь
земной шар,
хоть он не мал,
в трупах.
А в трубах
едкий, отравленный дым,
он не достигнет могил.
Лежать,
не дышать –
приказано всем,
мы здесь насовсем.
Разложимся
и успокоимся.
Но я не согласна!
Месяцем ясным
не напилась,
не родилась
пока что поэтом.
И только поэтому:
встать,
написать
пару нелепых строк,
вынести новый урок,
зачеркнуть –
и воспрянуть,

чтобы какой-нибудь след
на протяжении лет
оставить.

Кленовый лист

Одинаковых много на дереве,
я – такой же кленовый лист.
А смотреть на пепельно-белые
(стоит, Боже, мне рваться ввысь?)

облака? Так они не помогут
обрести мне окрас земной.
Опадём – и нас всякий затопчет
этой осенью или другой.

И в гербарий не все попадают,
только те, кто красивее всех.
Как мне быть? Я ведь тоже желаю –
вместе с ними. Ведь там – успех.

Если к солнцу лететь, красуясь,
Прожигая последние дни,
Восхитятся ли мной? Волнуюсь.
(Ты кого-нибудь мной замени!)

Интересно, среди миллионов
неужели заметят меня?
Среди этих пародий и клонов
Не пустяк – сохранить себя.

Я – оранжевый, жёлтый, зелёный.
Забери же меня, поэт!
Да, конечно, не солнцем рождённый,
но впитал я звезды той свет.

И ты пристально смотришь, мыслитель,
аккуратно кладёшь в блокнот –
я теперь твой трофей и зритель
каждой строчки на год вперёд!

* * *

Как талант отличить от
бездарности
или глупость женить на
храбрости,
умирать как с улыбкою в
старости?
Расскажи мне, мой друг, расскажи.

Отличить как стихи от
безумства,
грязь какую-то от
искусства?
Разделить всё на разум и
чувства
и все книги убрать в стеллажи?

Как в искусстве становятся
мастером
и шедевры рисуют
фломастером,
как с известным знакомятся
автором?
Хотя нет, всё ж интригу держи.

Хорошо, когда в доме напротив
зажигается вдруг тёплый свет.
Значит, люди живые там ходят,
и так кажется – смерти нет.

Зажигаются новые жизни,
словно свечки в крошечной тьме.
А ушедшие точно были?
Их не вспомнить уже в суете.

Неужели та старая лампа
перестанет однажды гореть?..
И останутся только память
и слова твои: «Смерти нет!»

Дмитрий Сладков

Выпускник физического факультета

Сон

Мне снилось кладбище. Был тихий летний день,
Когда ничто покой не нарушало.
Порхали бабочки. Отбрасывала тень
Старуха ель костлявая, большая.
И захотелось пропитаться тишиной
И замереть над чьей-нибудь плитой.
Трава, цветы и вязью золотой
Родное имя... Как же так? Постой.
Ещё вчера... я помню... целовала...
Я побежал, и время побежало.
Вот улицы знакомый поворот,
Ещё чуть-чуть, но снег уже идёт.
И нет следов. И у пустых ворот
Никто не ждёт...
О, Боже!

Мне снилось кладбище.
И как мороз по коже...

Физическое

Наша разность потенциалов равна нулю,
Я стою на балконе и просто курю.
Ночь прекрасна – ни люменов нет, ни ментов.
Дети люмпенов где-то пугают котов.
Ты во сне сохраняешь часть моей теплоты.
Энтропия растёт. Улыбаешься ты.

Думка

Где-то негры играют регги,
А у нас идут многие снега.
За порог – нет дорог,
Всюду снежный творог,
И сливается белое с белым.
Где сугробы лежат,
Не ходил чёрный Джа,
Да и что нам до их растапанства,
Здесь ничто не подвинет покой вековой
И традиции долгие пьянства.
Так давай наливай за ещё год зимы,
За оттайку души в зяблом теле
И провалишься в морок, в запечные сны,
А очнёшься – грачи прилетели...

Елена Смолицкая

Преподаватель кафедры финансового права юридического факультета. Победитель Дня поэзии ВГУ 2013 года. Руководитель поэтического клуба «Левобережье».

Доверие

Давай посмеёмся над тем, кто есть ты, кто есть я.
У нас тут такие смешные и «важные» роли!
А сердце у каждого здесь под надёжным паролем,
И в Красную книгу записаны наши друзья.

Ты руку скорей протяни: этот дорог момент.
Возможно, минута пройдёт, и закроются створки.
Становимся чёрствыми, как пятидневные корки.
Становимся твёрдыми, как двухнедельный цемент.

Но если ты смотришь в большие живые глаза
И видишь в них море, и море созвучно с тобою,
Ты можешь открыться и честною фразой любую
Озвучить всё то, что до этого было нельзя.

Замри на секунду, почувствуй волшебный момент:
На миг мы забыли про наши нелепые роли!
Условности треснули, как пересоший цемент...
Доверие стало для нас самым главным паролем.

Два зеркала

Он говорил мне: «Я всегда с тобой».
Как крики чаек, как морской прибой,
Мой слух ласкал – в душе кончался бой,
И становилась я сама собой.

Он говорил мне: «Зеркало моё» –
И утихло злое вороньё,
И проступали яркие черты,
И я шептала: «Всех прекрасней ты!»

Потом гремело: «Нам не суждено...»
И так хотелось, чтобы «Всё равно»,
Но бесконечным эхом: «Мы – одно».
Два зеркала друг друга видят дно.

Поэт, мешающий бетон

Поэт, мешающий бетон.
Без слов кричит о жизни он.
В его чертах для нас поэт
Суровой истины полёт.
В его глазах – морская тишь.
Берёшь лопату и стоишь,
Мешаешь, думаешь о том,
Что станешь тополя листом,
Что нет спасенья без труда,
Что жизнь ведёт тебя туда,
Где всё – сияние и свет.
«Эй, брат, насыпь еще цемент!..»

Легенда о солнце

Тот, кого мы прозвали Солнцем,
Жил в другой незнакомой эре,
И имел он одну потребность:
Всем в округе дарить тепло.
Он был светлым и самым добрым,
Даже если не отвечали,
Даже если смотрели мимо,
Даже если кидали грязь.
Просто он был таким – и точка,
И имел он большое сердце,
И себе не прощал он, если
Не залечит чужую боль.
Коль увидит тоску и горе –
Успокоит и обогреет
И надеждой большой и тёплой
Нежно-нежно наполнит грудь.
Это делал не с чувством долга,
И не чтобы себя прославить,
И не чтобы себя возвысить –
Он не мог по-другому жить.

И Всевышний его приметил
И сказал, что таким есть служба,
Что почётнее всех на свете –
В пустоте обогреть миры.
«Свет от сердца прольётся шире.
Будешь виден ты очень многим.
Сразу всех ты собой согреешь.
Мириадам даруешь жизнь.
Только ноги ходить не будут.
И глаза перестанут видеть,
Говорить ты тогда не сможешь.
Будешь только для всех светить.
Эта служба – моя награда.
Очень редкий её достоин.
Что же, примешь ты пост священный?» –

Вопрошал всемогущий Бог.
«Эта служба весьма почётна, –
Отвечал наш герой смущённо. –
Если хочешь меня поставить,
Значит, воля твоя – закон».

И с тех пор появилось Солнце.
И несёт бесконечно службу,
Не считая её обузой,
Принимая её за счастье,
За награду, что всех дороже,
Потому что его потребность –
Всем в округе дарить тепло.

Тот, кого мы прозвали Солнцем,
Жил в другой – незнакомой – эре...

Екатерина Стрельникова

Аспирант филологического факультета, младший научный сотрудник кафедры русской литературы XX–XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук

Застенька

Когда муторно станет жить
И тянуть свою тень домой –
То ли правда начать курить,
То ли броситься с головой
Под чернавскую гладь моста
В чехарду утонувших звёзд –
То ли выдернуть три листа
Из паучьих ветвей берёз
И скрутить самокруткой, сжать
В кулаке, занесённом над, –
И, одумавшись, убежать,
И с проклятьем прийти назад.

Под порезом небес трава
Жухнет рыжей сухой метлой.
Где бы горсть отыскать тепла
И цыганской пришить иглой
К пиджаку, чуть левее – да,
Ровно здесь, где остался шов
От чего-то, что ерунда,
От кого-то, кто не пришёл
Или просто забыл – и пусть
Им отпустит сама печаль
Мою творческую грусть,
Напитавшуюся в рояль.

Не крадись по пятам, не трать
Свои годы и грамм души.
Тебе будет о чём мечтать,
Тебе будет кому служить,

Загребать океаны луж,
Целовать головы овал, –
Уходи!
Пока шелест стуж
Меня под руки не забрал!
Не унёс на десятки лет
В черноокую темноту!..
Не развеял на сто планет
Мои мысли и пустоту.

Тёплой нянькой сама Земля
Будет строго за тем следить,
Чтобы тихая тень моя
Научилась спокойно жить
И забыла чуднью мать,
И не видела палачей,
И не вздумала горевать
О возможной судьбе своей.
Хоронилась от шторма тем,
Что чужда ей была мечта,
Как посеять себя везде
И собрать себя никогда.

Будет потоп, будет Ной. Он придёт из глуши,
Из тупика у заросшей таёжной тропы.
Выйдет он с чашей вина и ее осушит
В память о медной хозяйке упавшей горы.

Он промолчал много сотен прекраснейших лет,
Он подготовился – строил, пилил и строгал,
Силой атланта он тянет его на свет –
Красный ковчег, полыхающий, как коралл:

Он полон крови – и соткан из мощных вен,
Он не дрожит – это жизнь разгоняет пульс,
Он, возведённый из самых надёжных стен, –
Знак возрождения, высшее из искусств!

Как величаво горит и зовёт за собой!
Как он красив на пленэре убитой Земли!..
Как одиноко стоит и рыдает Ной,
Выдравший свой ковчег из земной груди.

Чётки

Выйди под небо,
смотри на жемчужный нимб,
встань на колени,
тянись к серебристым чёткам...
Плохо,
когда предрассветный
палящий гриб
огненным атомным взрывом
идёт с востока.

Если бежать
и пытаться застыть в тени,

то ни песчинки, ни вдоха
не будет всеу:
огненный ветер
отыщет
слова
твои
и растворит, как мороженое в июле.

Только стоять!
Даже утром
видна луна,
и за пшеничной жарой
существуют
звёзды;
вытяни руку
и вылови их со дна,
и повяжи на запястье,
пока не поздно.

Истерика

По запястью не видно, как в венах бежит вода,
И её, как насос, ровным пульсом толкает мозг
Через сердце – а если врозь они, то тогда
Тебя мало стегали в детстве хлыстами розг.

Я боюсь утонуть в зазеркалье – смотрю в него
И ищу доказательства жизни в самой себе.
Полоса от тугой горловины сродни метро,
Пригрозившему удушением всей Москве.

Там клокочет и тонко бьётся под меловой
Оболочкой моей, обгорающей от луны,
Аксиома того, что я буду ещё живой
И не раз донесу до порога ведро воды.

От ударов глухих бесполезных устала грудь,
Износилась одежда, трепещущая в такт.
Дайте два целлофана.
Мне бьющееся завернуть.
Отнести на помойку в холодных сухих руках

И швырнуть со всех сил прямо в шифер
от чьих-то крыш,
Улетевших намного позже, чем от меня,
И растаять седой Снегурочкой инвалидш
Под тревожным дыханием паники и дня!

Больше стук по ночам не встревожит моих ушей,
На запястье не будет рек вдоль и поперёк.
Успокойся.
Закрой свой рот и воды попей.
Отправляйся к приходу гостя домыть порог.

Краснеют белки, словно я под чем-то,
И режет глаза, будто я с похмелья.
Нетвёрдо шатает меня от ветра

И твёрдо уносит большим течением
Плещущихся слов под искристость неба,
Откуда касаюсь того, что было,
Откуда бы бросила пайку хлеба
И всех ленинградцев бы накормила,
Схватила бы завтра за нож и за горло,
К себе приковала бы кандалами:
Я буду держаться его покорно –
И вы поднимайтесь потом за нами.

Болит голова, будто я с похмелья,
Уходит земля, словно я под чем-то,
Давно не спасёт ни одно лечение
Меня, заигравшуюся в поэта,
Отвыкшую видеть за морем море
И слышать за музыкой только ноты,
Всегда наполняющую пустое,
Всегда понимающую что-то.
Не бойтесь меня со стеклянным взглядом,
Смотрящую сквозь и всегда сурово.
Я вечная пленница Китеж-града,
Тюрьмы-лабиринта себя и слова.

Марта Тарарыкова

*Студентка 1-го курса факультета международных
отношений*

Когда...

*When your legs don't work like they used to before
And I can't sweep you off of your feet
Will your mouth still remember the taste of my love?
Will your eyes still smile from your cheeks?
And darling I will be loving you till you're 70
And baby, my heart could still fall as hard at 23
("Thinking out loud" Ed Sheeran)*

Когда перестанем мы двигаться в такт,
и память нам явно
начнёт изменять,
любить я продолжу
всё также тебя,
как в 40, как в 30 и как в 25.
Когда мы забудем
привычные па
и смолкнет до боли знакомый
мотив,
ты будешь такой же, какую была,
в себя с новой силой меня
вновь влюбив.
Когда не смогу я
закончить игру
и пальцы на струнах
опять задрожат,
ты – рядом со мною, в любую беду,
как в 40, как в 30 и как в 25.

Надежда Третьякова

Выпускница фармацевтического факультета

Детская сказка для взрослых

А от танцовщицы осталась одна только блёстка,
и была она обгорелая и чёрная, словно уголь.

Г. Х. Андерсен

Стоит оловянно в ночи Солдат
В коробке от башмаков.
Короткую жизнь за картонный взгляд,
За танец отдать готов.

Мы ставим его на занозистый стол,
Поскрипывает протез.
Он так одинок. Одноног. И зол,
Он сам в этот бой полез –

За танец, за взгляд,
Что огнём течёт,
Сгорает любовь в печи.

И, как заведённый, хохочет Чёрт
Над смертью в глухой ночи.

К годовщине Победы

Прикрученные к тебе,
Навинченные на грудь,
Блестят ордена во тьме
И помнят кого-нибудь
Из тех, кто кричал: «ВПЕРЕД!»
Из тех, кто стремился жить
В стране не наоборот,
А прямо, по грудь во ржи,
Где счастье – по существу,
Но где на две трети –
смерть.

Висят ордена в шкафу,
И некому их
надеть.

Стой и смотри, тут неба острый край,
И поднимайся, и запоминай,
О чём изнанка древнего холста,
О чём скрипят небесные врата.

О том, что жизнь не сказка, но скрижаль,
О ком тужил, кого изображал,
Кого избрал на свой последний час,
Кого просил молиться не о нас.

И кто молился сам не о тебе,
Держа ладонь раскрытой на кресте,
Покуда проповедь не кончится, молчал.
Замки твои под стать его ключам.

Сменялись песни, реки, города,
Смеялись дети тихо сквозь года,
А ты всё шёл по глади, по воде,
Искал себя.

И не нашёл
нигде.

Владимир Тулупов

Декан факультета журналистики. Главный редактор научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации» и научного журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика». Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России

Из лирического дневника

Я знаю, что туда дороги нет,
что запахи и краски там иные:
ведь позади так много взрослых лет...
И там деревья вовсе не большие...
Но вдруг пахнёт откуда-то родным,
вдруг защежит в груди, в районе сердца...
Как же хотелось поскорее стать большим,

и как же хочется вернуться в наше детство!..
Чтоб разбудил мальчишку тёплый луч,
чтобы опять ждали на опушке,
чтобы всплывало солнце из-за круч,
а ты в телеге едешь к деревушке...

Апрельские робкие тени
и робкая зелень весны –
мы этого ждали, хотели
и звали в забытые сны.
Как шёпотно, ласково, тихо
на нашей уставшей земле –
исчезло внезапное лихо,
оставшись в сыром феврале.
Не порваны тонкие нити,
когда-то связавшие нас:
и солнце ликует в зените,
и искорки смеха из глаз...

Лица

Про драмкружок, кружок по фото
и про желанье всюду петь
и говорить уж неохота,
и неохота лицезреть
того, кто, ничего не знача,
всё время на устах у всех,
но он-она, стыда не пряча,
в щель пролезает без помех.

Ведь это тренд, ведь это модно:
меж дисциплинами засесть –
по-дилетантски быстроходно,
заумно лекцию прочесть.
Когда бы с фактами дружила
журчащей речи быстрота...
Но на вопрос: «Что это было?» –
ответ один лишь: «Пустота...»

Он цедит брезгливо об «этой стране» –
другую, скажу, поищи...
И будет вопрос здесь уместен вполне:
«Шанель» снова капнули в щи?..

Ах вы, сети мои, сети,
социальные мои,
сети клёвые, рублёвые,
компьютерные!
Как и мне по вам, по сетичкам,
не хаживати,
мне мила друга за рученьку
не важивати!
Выходила молода
за новые ворота,
выпускала сокола
из правого рукава.
На полётике соколику
наказывала:
«Ты лети, лети, соколик,
высоко и далеко
и высоко и далёко,
на чужую сторону;
на чужой на сторонке
грозен вирус тот живёт.
Он грозен, сударь, грозен,
он немилостивый:
не пускает молодую
поздно вечером одну.
Я не слушала врачей,
тех экспертов-москвичей.
И теперь вот мир спотешу,
что корону ту ношу.
Не послушалась врача –
и нажила сморкача...»

Завершился мой день, завершился счастливо:
я увидел его – сына младшего сына.
Он ещё очень мал, он лишь кроха, комочек,
но уже так любим – древа новый росточек.

Галина Хожаинова

*Доцент кафедры биохимии и физиологии клетки
медико-биологического факультета*

Прошла гроза,
Пронёсся град,
Светило солнце ярко.
Слетали листья,
А сентябрь смеялся вслед украдкой.
Недолго скудное тепло
Деревья золотило.
И к ночи небо прорвало –
Весь день нещадно лило.
Мрачнело небо,
Ветер ныл,
Дождём в лицо хлестало.
И черный мокнувший асфальт
Враз листьями устлало.
Срывая жёлтую листву,
К земле клоня деревья,
Шептал им ветер про тоску
И торжество забвенья.

Яна Цыганкова

Выпускница филологического факультета

Полночи звучала в пустой квартире,
безумно боялась сна.
Рванулась и лопнула
Слишком
Туго
Натянутая
струна.
Рванулась и грохнулась, сбив колени,
дыхание криком сбив.
А город молчал, а дворы желтели,
привычке не изменив.
Рвалась и металась.
Молилась.
Выла.
Лежала совсем без сил.
С сухими глазами стоял октябрь –
дождинки не проронил.
Но звёзды горели, как свечи в церкви, и таяли.
А пока
Уснула и видела:
Он коснулся губами её виска.

Город мёрз, остывал, простужался и холодел:
Мне казалось, у холода этого есть предел,
Но иззябшие синие вены нагих ветвей
Говорят об обратном. И всё говорит о ней:
Хриплый вопль сирен неотложки летит в ночи,

Закрываюсь подушкой – «пожалуйста, не кричи,
Успевай, успевай, успевай, успевай спасти,
Будто стрелку часов прижимая на без пяти...»
Это хроника паники: листьев скелетный хруст,
И недоброе небо, и чья-то чужая грусть,
От которой уже отвернуться нельзя, нельзя.
Это страшная речь от безумного сентября,
И во рту ржавый привкус, и ливень, как злой конвой...
Лишь бы он – не за нами.
Точнее – не за тобой.

* * *

Если снова сведут нас дороги когда-нибудь,
Отвернуться и шанс не заметить не пропусти.
Так и будет болеть, так и будет ещё тянуть
То ли шов на запястье, то ли кулон в горсти.
Не писать о тебе, не писать для тебя – привык.
И в блокнотах моих ни строки, все листы пусты.
Но щекочет язык, рвётся, бьётся гортанный вскрик
Полететь и пролиться стихами для тех пустынь,
Где погасли костры, где угли ворошит зверьё:
Нечем жечь и гореть, и нельзя запалить свечу.
Вот что было твоим; всё что станет – опять твоё.
Всё цветёт, посмотри:
Вот как я о тебе молчу.

* * *

Лето в пригоршнях, как крохотного птенца,
Небо баюкает: спи, сиротина, спи...
Нет у сиротства ни имени, ни лица –
Только тропа без начала и без конца,
Только чужие, чужие всем нам огни.
Вейся по крышам, по струнам и проводам,

Дрожью в ладони откликнись и тишиной,
Только живи всей душой, не в пополам,
Веря и знакам, и смытым дождём следам,
Что оставляет закат за твоей спиной.
В час суморочья, когда замолкает мир,
Я расскажу тебе самый большой секрет:
В каждом из нас столько юности и любви,
Столько, что хватит поверить нам – ни разлук,
Ни замолчавших, безвольно поникших рук,
Ни даже смерти на этой дороге
Нет.

Ольга Червинская

Ведущий инженер кафедры ядерной физики физического факультета

Radices litterarum amarae sunt, fructus dulces

Если что-то я не понял,
Это значит, я – тупой.
Открывай скорее книжку
И работай над собой!

Ни учитель, ни родитель
Здесь не сможет нам помочь,
Ведь свои мозги не вложит
Он ни в сына и ни в дочь.

Без сомненья, пищу можно
Очень сильно разжевать,
Только хочешь иль не хочешь,
Самому её глотать!

Знают римляне и греки,
Может, слышали и вы:
Горьки корни у науки,
Но зато сладки плоды!

Мотивационное

Если стало очень грустно,
То не делай «бледный вид»!
Просто выпей чай с лимоном,
Вмиг тоску он исцелит!

Ну а если есть конфетка,
То вообще всё – трын-трава!
Выпил чаю, съел конфетку,
И – работать, господа!

Порода сумчатых

Когда меня вы спросите:
В какой стране живёте?
Отвечу, что в Австралии.
Боюсь, что не поймёте.

Ну вот же, посмотрите:
Идут то тут, то там
И бабушки, и тётки –
Две сумки по бокам.

И сумчатые мамы
То тут, то там снуют.
На животе детишек,
Как кенгуру, несут.

И сумчатые дяди
Идут живот-вперёд.
Наверно, кенгурёнок
Там в животе живёт?

А вы скажите, тоже
Из сумчатой породы?
Сама я, мама, дочка,
Мы все такие вроде.

Дочурка ходит в школу
С баулом за спиной.
И никуда не деться
Нам от судьбы такой.

И сумчатые мамы
И бабушки идут,
Детёнышей и пищу
К себе домой несут.

Что, в общем-то, неплохо.
Вполне так можно жить,
Лишь было бы что в сумках
Домой к себе тащить.

Когда меня вы спросите:
В какой стране живете?
Скажу: почти в Австралии.
И вы меня поймёте.

Калиточка

Калиточку открою,
Та сразу заскрипит
И ласково со мною
Она заговорит:
«Входи-и, входи-и-ка, милая!
И милый, ты входи-и!
Скорей входите, ми-и-и-лые», –
Калитка проскрипит.

И сколько б ни ходила я
Туда или сюда,
Не скажет слова грубого
Калитка никогда!

Дмитрий Чугунов

*Профессор кафедры истории и типологии русской
и зарубежной литературы филологического фа-
культета. Член Союза писателей России*

Электричка гудела чуть зло и тревожно,
Разрывая из ваты составленный сон,
Уходила навеки с чужой подорожной
Просто – юность моя, и в последний вагон

Я готов был запрыгнуть, бежать по перрону
Так, как в фильмах герои куда-то бегут,
Но стучали колёса, и плыли вагоны
В безнадежную даль – нас туда не зовут.

И я плакал во сне и не мог пробудиться.
Так лети же, лети, но уже без меня,
Легкокрылое время, наивная птица,
Может быть, пару слов обо мне сохраняя.

Тетрадь и карандаш у изголовья.
И всё равно забудутся подчас.
Стихи ведь не даются малой кровью,
Приходят ночью, в неурочный час,
Тук-тук по сердцу, вплоть до перебоя,
И то ли утро, то ли ночь ещё,
Явились, значит, стали вдруг судьбою –
Не пахнущей ни сыром, ни борщом,
Но трепетной, неожиданной, беспокойной,
Открыть глаза и всё бы записать:
Как шли миры, и как нам лгали мойры,
И как тесна была в ночи кровать,
Тетрадь и карандаш – хотя бы что-то,
Когда, как в первый раз, опять в груди
Внезапный жар, слова ведут охоту,
Остановись, мгновенье, погоди!

День за днём, шаг за шагом, книга за книгой,
я тебя познаю, дорогой амиго,
в четырёх стенах, на своём участке,
я учусь дышать одинаково часто,
безразлично: дождь или светит солнце,
черпать надо жизнь, открывая донце
в золотом горшке, где кипит сегодня,
с корабля уже протянули сходни,
поднимайся на борт, будь капитаном,
оставаться здесь, помирать нам рано,
так хотя бы ты, если я останусь,
с борта виден берег, такая малость,
я всегда догадывался об этом,
только как решиться, но ты с приветом,
начитался книжек о тех, кто первый,

заблудился в трёшке среди примерных,
с корабля на бал страусиным шагом,
страусиной жизнью под белым флагом,
не размахивай флагом, ища ночлега,
как же ты прекрасен, мой alter ego!

Одуванчик у дороги,
Лёгкий пух,
Выбирай: колёса, ноги...
Что из двух?..
А высоко за спиною
Майский гром,
Мы возьмём его с собою?
Не возьмём.
Лёгкий дождь с цветущих вишен
Уж прошёл,
Белым был, совсем неслышным.
Хорошо.
И нужды спешить куда-то
Вовсе нет,
Мужичок идёт поддатый,
Он поэт,
Он бормочет, в лица глядя,
Лучший стих:
Возлюби же, Христа ради,
Всех других.
С ним раскланявшись, неспешно
Прохожу,
Я ли, он – одно потешны,
Так скажу.
А на небе за спиною
Майский гром,
Много вёсен мы с тобою
Проживём.

Когда мне надоест обыденность,
Я выйду за пределы роли.
Случайность или непредвиденность,
Любовь – не знание пароля.

Мой день октябрьский будет солнечным,
Смешавшим жёлуди и травы,
От яблок сладким, с каплей горечи,
Днём у неведомой заставы –

Земной ли, да со стражей строгою,
Небесной ли, с бесплотной силой,
А всё одно – там, за порогами,
За суетою говорливой,

За переливом красок ветреных,
За ожиданием земного
Далёкожданной геометрией
И прозвучит иное слово.

Иван Щёлоков

Выпускник филологического факультета. Главный редактор журнала «Подъём». Член Союза писателей России.

Не сгорал над костром мотыльком на лету,
Перед силой хвостом не вилял, словно пёс,
Просто жил, даже если и неумогу,
С чем родился и что через годы пронёс.

Не селился пичугой у гнёзд воронья
И зерна не таскал из кормушек чужих...
Это здорово – жить, никого не виня,
И себя не винить заодно среди них.

Я свободно и прямо хожу по земле.
Весь открыт для ветров из любой стороны...
Не вздувается пламя в остывшей золе,
Затухают сердца, если души больны.

Солнце дарит мне свет, звёзды – ночи красу.
Освежаюсь в грозу, а в метели грущу.
Мотылька пожалею и птаху спасу,
Незлобиво на волю и пса отпускаю.

Для того и дано имя мне – человек.
Остальное – всё ложь с погруженьем в молву.
Среди гор и равнин, океанов и рек
Я живу на земле, я любовью живу.

Зима. Пандемия. Народу негусто.
Метели сошли, зачистили дожди.
И красным горит светофорная люстра
Минуту, другую, а ты себе жди.

Скучает охранник у входа сбербанка.
Напротив задумчив гранитный Кольцов.
На красный плетётся дремучая бабка,
За ней пять бездомных всклокоченных псов.

Водила на «Ладе» сигналит до визга,
Крутой внедорожник идёт на вираж.
И лишь дальнотормозчик жмёт тормоз без риска,
С улыбкой взирая на милый пассаж.

Смешно или грустно – картина такая.
Всё свалено в кучу мгновеньем одним.
А красный горит и горит, не сгорая.
И мы истуканами в масках глядим.

Она бушевала манерно, как дамочка,
Вгоняла пространство в озябшую плоть,
Смеялась и тут же рыдала, когда уже
Эмоций в себе не могла побороть.

Бросалась волчицей с холма по валежнику,
Почуяв добычу у поймы реки,
Затем возвращалась на прежнее лежбище
И в мёрзлую землю вонзала клыки.

Минуя бульвар с переулком по конусу,
Клубилась, как дым, и стелилась, как пух,
И пела волшебным, пронзительным голосом,
Лаская отчаянным путникам слух.

Она рисовала ромашки и лилии,
Лепила фигурки, чертила круги...
И не было в мире мгновений счастливее,
Чем женская шалость февральской пурги.

Давно не целовал твоей руки,
Как будто в этом не было резона.
Прогнозы лет, как в юности снежки,
Летят в окно по правилам сезона.

Пусть даже буду несколько смешон
На фоне дня, бульвара, снегопада,
Лицо по брови спрячу в капюшон,
Чтоб избежать взыскующего взгляда.

Шаги скользнут по линиям судьбы,
Споткнутся на запястье о морщины...
Прогнозы не спасают от мольбы,
А правила стареют, как мужчины.

Прости меня, что много-много лет
К твоей руке я не слетал, как птица.
Причин серьёзных оправдаться нет,
Есть повод за былое повиниться.

Как прах вчерашний, капюшон смахну,
И хлынет мир весёлый и цветастый
В мои зрачки. К твоей руке прильну
И тихо прошепчу: «Владей и царствуй!»

Для Пушкина – Чёрная речка,
Для Лермонтова – Машук...
Сквозь дуло смерть без осечки
Проложит к сердцам маршрут.

Потомкам – память и речи,
Вершинам – снегов мундштук...
От пули на Чёрной речке
Качнётся седой Машук.

Не все из поэтов вечны,
Но ради того живём...
От эха на Чёрной речке
Заплачет Машук дождём.

Дуэлей скорбь скоротечна...
До крови скреби, рука

Певца, и лёд Чёрной речки
И камушки Машука!

Трагедии бранной сечи
Волнуют и посейчас...
Машук и Чёрная речка
От зла сберегают нас.

Джабраил Яхьяев

Выпускник филологического факультета, ведущий мероприятий, руководитель благотворительного фонда «Видеть сердцем»

Прощание любви

Слова из снега.
Холод чистоты
В твоём молчанье.

В это воскресенье
Воронежские улицы пусты.
Ушла любовь,
Но остаются тени.

За каждым поворотом –
поворот,
И в каждом шаге, на попутных стенах,
Как призрак увядающий, плывёт
Отсутствие любви
смятенной тенью.

Мои слова,
как запоздалый снег,
Не значимы для нашего прощанья.
В конце пути ты улыбнёшься мне
И скрасишь тень нарушенным молчаньем.

Я. С.

Пока ты спишь, холодные лучи
Рассветом проникают в тёплый дом.
Молчит прихожая, гостиная молчит.
Молчу и я, твоим люблюсь сном.

Так смотрят на закат и на рассвет,
На пламя и течение воды,
Так забывают боль мирских сует
И видят свет во тьме любой беды.

В дом проникают тёплые лучи.
Ты видишь сны, а я ещё не сплю.

Пока ты спишь, вселенная молчит.
И я молчу. И я тебя люблю.

ЛИРИКА СОВРЕМЕННОСТИ

ВОРОНЕЖСКИЕ «ВСТРЕЧИ НА КУБЕ» – ВОСПОМИНАНИЯ О НЕДАВНЕМ

Павел Пономарёв

Магистрант факультета журналистики, председатель регионального отделения СМЛ СПР

Кажется, литературный процесс восьмидесятых и девяностых годов в Воронеже – и интереснее, и любопытнее, и острее, чем сейчас.

И кажется, что это время ушло безвозвратно, а на смену ему пока ничего не пришло.

Нулевые – будто провал, провисание в жизни литературного Воронежа. Канат, на который свалилась балка (страна в это время повсеместно была усеяна такими балками).

Да и десятые, кажется, особенно никак себя не проявили.

Кажется, что только сейчас, в последние год-два, что-то начинается, что-то предчувствуется – как будто духота перед грозой. Или это мне только кажется? Может, сам пытаюсь в этом себя уверить?

Но таковы мои ощущения, когда я вспоминаю эти крайние два-три года литературной жизни в Воронеже – семнадцатый, восемнадцатый, девятнадцатый. Я сам уже был частью этой жизни, и я делал её вместе с моими друзьями.

Литературные выступления нашего творческого объединения «Голоса» в музее Никитина не оправдали себя: после двух-трёх вечеров стало понятно, что

постоянно сменяющаяся (и главное – заинтересованная) публика – цель на тот момент не достижимая.

Да и, видимо, – не обязательная.

Куда важнее – собственное созидание.

Самотворение, по выражению философа Мераба Константиновича Мамардашвили.

(У него это – второе рождение, (с)читай – сотворение (человека), а до этого все мы – существа биологические.)

Работа над словом.

Литературная «натасканность».

В то время мы с моими друзьями – Васей Нацентовым, Серёжей Рыбкиным – постоянно куда-то ездили: Елец, Москва, Переделкино, Химки, Сочи, Тверь, Петербург... Литературные совещания, фестивали, слёты, конкурсы, школы... Показывали себя, смотрели на других. Так потихоньку заявляли о себе. Входили в литературный мир – не всегда доброжелательный и однозначный, но всегда – многообразный. Полярность эстетик, школ, идеологий – всё это не пугало, но заставляло задумываться и искать своё место. Свою позицию. Свою речь.

Воронеж снова обретал своё место на литературной карте России.

Может, он его и не терял, но нам казалось, что именно мы играли в этом не последнюю роль. (Какая самонадеянность!)

А в самом Воронеже при этом благополучно жили Союз писателей России и Союз российских писателей, мирно сосуществуя друг с другом, выпуская книги, проводя литературные встречи, участвуя в фестивалях...

Платоновский фестиваль искусств, Мандельштам-фест...

Союз российских писателей при этом – ближе к воронежской либеральной интеллигенции и Михаилу Бычкову, художественному руководителю Воронежского Камерного театра, «отцу-основателю» и «рулевому» большинства культурных фестивалей в современном Воронеже.

На плечах же Союза писателей России всегда держались организация и проведение областных Совещаний молодых литераторов, конкурсы на

присуждение литературных премий – имени Егора Исаева и «Кольцовский край»...

И по-прежнему при воронежском отделении Союза писателей России действовала литературная студия «Современник» под руководством Зои Константиновны Колесниковой – нашей наставницы.

Это – среда, в которой нам, молодым воронежским поэтам, привелось «строить и жить».

На смену «Голосам» пришли «Молодые» – так стали звать наше объединение в областной юношеской библиотеке имени В. М. Кубанёва (а мы её ласково зовём «Кубанёвка» или просто «Куба» – в Воронеже). Там мы регулярно встречались раз в две недели. В конце концов, какая разница, как мы «обзывались» – важен был сам факт этих встреч, на которых мы читали и обсуждали стихи друг друга, говорили о литературе, об искусстве...

Как-то так повелось, что в Воронеже нас взял под своё крыло именно Союз писателей России. Наши старшие товарищи, наставники: Зоя Константиновна Колесникова, Сергей Прокофьевич Пылёв, Вячеслав Дмитриевич Лютый, Иван Александрович Щёлоков, Виталий Иванович Жихарев, Аркадий Васильевич Макаров, Юрий Леонидович Силантьев... Кого не назвал, простите великодушно.

Хотя это не значит, что мы не попали в объектив Союза российских писателей, других творческих организаций, объединений в Воронеже.

Не устану повторять: Воронеж в этом смысле – город истинно демократический, даже либеральный по своему духу. Нет границ, исключений, рамок. Главный человеческий критерий – талант.

Вспоминаю показательную ситуацию.

Июнь 2018-го, предпоследний день Платоновского фестиваля искусств.

У памятника писателю Андрею Платонову – традиционные выступления воронежских поэтов.

Представители двух региональных отделений главных писательских союзов – двух равнозначных, но противопоставленных друг другу восприимчивых некогда единого писательского «цеха» – объединились в единой творческой программе.

Равнозначные – и тем не менее оппоненты?

Встреча у памятника убедила в обратном.

За эти почти три года, что прошли с тех пор, в тайфуне имён и событий нашей провинциальной (но с претензией на столичную) (около)литературной жизни что-то стабильное всё же оставалось – наши «встречи на Кубе».

Если спросить, как проходили эти встречи, не смогу дать стандартный для всех встреч ответ.

Каждая – по-разному.

Семинары и разборы стихов (за образец взяли модель занятий в Литинституте) перемежались с творческими вечерами, презентациями, встречами с приглашёнными гостями.

За эти годы у нас в гостях были Борис Кутенков, Николай Милешкин, Елена Семёнова, Константин Комаров, Ксения Аксёнова, Светлана Пешкова, Полина Корицкая, Павел Быков...

Для узкого поэтического круга – имена широкие.

До сих пор с какой-то метафизической теплотой вспоминаются наши вечера памяти Окуджавы, Бунина, Прасолова...

Менее всего старались быть формалистами – литература вне границ, стандартов и рамок, поэтому шли по наитию: что умели сами, тем делились с другими.

Поэзия – категория эстетическая.

Не вкусовщина, а вкус.

Этот вкус и старались привить тем, кто к нам приходил.

Приходили многие – оставались не все: может, отталкивала оголтелая идейность (дружба, поэзия, слово «единомышленничество», не всеми понятое и принятое), может, пугала порой бескомпромиссная позиция по отношению к творчеству (и своему, и чужому) – строгость к и в поэзии.

По-другому, наверное, было можно, а вот нужно ли – вопрос.

Литература – труд, а труд не терпит работы в полдела. Профанации. Халтуры.

Поэзия, как и любовь, не может быть поддельной.

Имитация поэзии – стихотворчество, графомания – что ошибка врачей: дорого обходится обществу. Сегодня, когда человека пишущего найти легче, чем не-пишущего, эта проблема (не меньше!) стоит особенно остро.

Поэтому одним из главных наших принципов всегда было умение отличать стихи (условное название набора слов, строк, имитирующих литературное произведение) от поэзии – чистого дыхания художника.

В этом смысле истинное искусство и показательная (допустим даже, публицистическая) шелуха стоят сегодня (к сожалению или к счастью) рядом: на одной полке уживаются Пушкин и детективная беллетристика, Тарковский и кулинарные рецепты, Чухонцев и политические частушки.

Да – это и счастье (сколько всего – бери не хочу), и беда нашего времени: неподготовленный, несформированный читатель подавится таким литературным обилием.

Что, в общем-то, характерно и для современной отечественной поэзии: бесконечность имён, течений, направлений, форм, подходов... Всё это обязывает читателя (о писателе даже не говорю – по умолчанию) обладать базовыми знаниями, ориентироваться в культурном пространстве, литературном контексте. Уметь, как говорится, отделять зёрна от плевел.

Хотя и то, что имеем уже, достойно внимания (как минимум).

Екатерина Макушина и Кристина Маркова, Эльвира Щербакова и Дарья Гузеева, Анна Ковалёва и Иван Белоусов, Екатерина Ступникова и Павел Сидельников, Владимир Кузьменко и Надежда Третьякова, Юлия Дорошева и Иван Стеблюк, Кристина Гайдукова и Яна Цыганкова, Анастасия Картавцева и Антон Шамраев...

Знаю, что кого-то точно пропустил, – вы мне о них, пожалуйста, напомните.

Рок-поэзия: лирика русского протеста и не только

Яна Цыганкова (Тэграл Диррах)

На русском постсоветском пространстве в сфере искусства сложилась интересная ситуация: богатое наследие «Советов» органично вплелось в современность, заложив ряд основополагающих жанровых особенностей, отказавшись от которых, большая часть видов искусства теряет свою самобытность и даже национальную идентичность.

Ярким примером такой преемственности служит русская рок-музыка, неотделимая от русской рок-поэзии. На последней хочется остановиться подробнее.

Пожалуй, нигде больше не придавалось такого значения текстовой составляющей, как в русском роке: это была вербально выраженная форма протеста, многократно усиливающая мощь электрогитар и барабанных сбивок. Протеста кому или чему? Пожалуй, всему сразу: от общепринятых норм и устоев общества – до текущего государственного строя. Ведь недаром рок называют «рупором молодёжи». А что, как не жгучая песня из магнитофона на плече, способно выразить протест наиболее ярко?..

Это, впрочем, лирика. Правда жизни состоит в том, что русская рок-поэзия продолжала и продолжает развивать традиции «русского слова». Метафоричность, многозначность, нежность и хлесткость – всё это рок-поэзия впитала напрямую от лучших авторов, а музыка лишь раскрасила и приумножила смысл звучащих строчек.

*Здесь можно играть про себя на трубе,
Но как ни играй, всё играешь отбой.
И если есть те, кто приходят к тебе,
Найдутся и те, кто придёт за тобой, –*

писал автор текстов «Наутилуса», поэт Илья Кормильцев в далёком 1984 году, на заре периода перестройки. Песню «Скованные одной цепью» всё чаще цитируют политические активисты. Это ли не яркий показатель её остроты и актуальности для нынешней действительности?

Но рок-поэзия – направление не только (и, к счастью, не столько) про политику. В первую очередь это философский поиск смысла жизни, смысла существования человека и принимаемых им решений. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к ранним альбомам «Арии», точнее – к текстам песен талантливой поэтессы Маргариты Пушкиной.

*Мне никогда не войти в этот сад,
в нём нет цветов для меня.
Я ненавижу штыки оград, бьющих в сплетение дня.
Мне не хватает в закрытых садах воздуха,
рвущего плоть.
Кто слаб душою, спешит сюда,
не в силах себя побороть.*

Припев:
*Сад не придуман мною, он – реален, как ты,
Но ты идёшь спокойно в сад пустоты.*

Библейский образ райского сада в песне «Мёртвая зона» трансформируется, оборачиваясь «садом пустоты», пространством бесцельного существования. Однако у лирического героя песни, с которым соотносятся слушатели, есть возможность спастись:

*Там есть всё, только нет души,
вместо росы белый жемчуг дрожит,
Робот птиц восковых сторожит,
сад всем диктует законы.
Думать о будущем нет причин,
прошлая жизнь под контролем машин,
Ты выходишь из сада живым,
но в сердце мёртвая зона.*

*Прочь беги, пока хватает сил,
беги на восход, в сад живой.
Прочь беги, пока хватает сил,
беги на восход, в сад живой...*

Помимо протестных настроений и общефилософской направленности, рок-поэзия отличается от поэзии как таковой с чисто технической стороны. Автору приходится учитывать множество нюансов, появляющихся в связи с музыкальной и вокальной составляющими: например, строго следить за соблюдением размера и ритмики, чтобы текстовая фраза укладывалась в длину фразы музыкальной. Или строить стихотворение так, чтобы строчки не только легко произносились, но и легко пропевались.

Традиционным поиском ответов на общие вопросы занимается и воронежский рок-коллектив «Планида», где я уже пять лет состою в качестве автора текстов. Осенью 2020 года группа выпустила альбом «Предисловие», куда вошло двенадцать песен-историй. В каждой песне «Предисловия» помимо уже традиционных для группы мифологических мотивов заложены общие, актуальные для нашего времени вопросы и проблемы. И как же по-

рой удивительно бывает узнавать мнения слушателей после концерта: в песне «Фараон», к примеру, рассмотрели политический подтекст, хотя таковой не задумывался:

*Грянет война –
Слышишь лязг боевых колесниц?
Кара страшна –
Преклонись пред Богами ты ниц!
Бурый песок
Будет алым сполна окроплён!
Был ты жесток –
Отвечай же за всё, фараон!*

Дополнительные смыслы – не единственный сюрприз, с которым приходится сталкиваться в процессе работы и после её выполнения. До сих пор с содроганием вспоминаю мучительное переписывание текста для песни «Империя возьмёт»: первое стихотворение было отклонено коллективом за неактуальность и краткость, на два последующих не удалось написать музыку. Только четвёртый вариант, писавшийся с ориентацией строки на длину музыкальной фразы, оказался идеально подходящим и по техническим характеристикам, и по внутреннему содержанию. Я дописывала его «на коленке» в самом буквальном смысле, сидя в маршрутке по дороге на композиторский сбор. Отчётливо помню недовольство собственной работой: казалось, что я не вложила достаточно ярости, «маскулинности» в текст о войне. Однако коллеги-композиторы, басист Александр Суслин и вокалист Илья Васильев, работу одобрили и даже рассмотрели вписанную в песню отсылку к «атаке мертвецов» – событию, произошедшему во время обороны крепости Осовец на Восточном фронте в 1915 году:

*Вой сирен,
Наступать приказ,
Мы идём по гильзам и черепам.
Гниль и тлен,
Ядовитый газ –
Мы сумеем сразить врага!*

Что добавить к размышлениям о рок-поэзии? Иногда она... лечит.

Во время работы над «Предисловием» наша семья осиротела – скончалась от рака бабушка, оставив своих мальчишек (моих дедушку и отца). Волей обстоятельств я некоторое время жила с дедушкой, ведь мёртвые уходят, а живым становится вдвойне нужна забота и поддержка. Острое чувство моей потери было несравнимо глуше его горя, ведь он лишился женщины, с которой прожил в браке больше пятидесяти лет. Именно тогда как отклик, как попытка хотя бы немного выдавить, вылечить боль, родился текст песни «Скиталец», припев которой начинается с фразы «Что мне делать на нашей

земле, // Если рядом со мною не будет тебя?». Песня вышла печальной и пронзительной, а дуэт нашего вокалиста Ильи Васильева и скрипачки Марии Корневской значительно усилил эти ощущения, о чём говорят многочисленные отклики слушателей. Только после того, как «Скиталец» впервые прозвучал на сцене, я почувствовала, что семейное горе отпускает меня. Будто бы выполнила свой долг перед покойной бабушкой и историей их любви с дедом.

*Что мне делать на нашей земле,
Если рядом со мною не будет тебя?
Вдалеке то ли свет, то ли снег,
Но, похоже, ни капли живого огня.
Мой корабль снимается с якоря,
Мчится вперёд, к грозным облакам!
– Ты не плакала!
– Нет, я не плакала!
Сбудется ль всё, что начертано нам?..*

Не хочется заканчивать рассказ о «Предисловии» на печальной ноте, ведь наряду с грустными предпосылками к созданию текстов были и достаточно весёлые: например, последняя песня в альбоме, «Тёмная Ода» – своеобразный эпилог моей магистерской диссертации, весьма удачно дополнивший общую подборку. Действительно, как не написать песню о предмете научного пути длиной в два года? После выхода альбома соло-гитарист Арсений Верницкий метко пошутил: «Вампиры у тебя теперь везде! И даже в текстах Планиды».

В «Тёмной Оде» потомки графа Дракулы получились стильными, соблазнительными – явно не брутальными кровососами вроде комиксово-киношного Блэйда, которому бы идеально подошёл классический хеви-метал в качестве музыкального сопровождения.

*Медленный вальс кружит,
Вьётся мороз по коже,
Сходятся Смерть и Жизнь
На бархатистом ложе.
Сладкий соблазн вина
Тускло блестит в ключице.
Хищно скользит луна,
Зная, что здесь свершится...*

Чтобы полностью передать настроение текста, композиторскому составу пришлось отойти от канонического звучания и создать композицию, близкую скорее к дарк-джазу, нежели к року. И музыкальный эксперимент оказался успешным! По мнению наших слушателей, «Тёмная Ода» похожа на искусный аналог крепкого алкогольного коктейля: «Тонкий эротизм текста бьёт в голову и будоражит нервы, а музыка оставляет приятное послевкусие и чувство лёгкого головокружения. Вышло смело, роково и очень сексуально».

Будут ли когда-нибудь рассматривать рок-поэзию, как отдельное литературное явление, лирику русского протеста? Будут ли когда-нибудь в школах и на филфаке изучать творчество Ильи Кормильцева, Маргариты Пушкиной, или Светланы Сургановой, или «маргиналов» от мира рок-музыки – Егора Летова, Янки Дягилевой, Александра Башлачёва? Будут ли спустя время во дворах петь песни «Планиды»?

Хочется верить, что да.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВГУ

НЕПОДВЛАСТЕН ВРЕМЕНИ

Лишь слову жизнь дана...
И. А. Бунин

Мысленно перенесёмся в Голландию середины XVII века: тишина библиотечных залов, ряды книг, мерцающий огонёк свечи. Студент университета поглощён чтением «Энеиды» Вергилия – эпоса, воспевающего легендарное происхождение римского народа...

В античную эпоху произведения Вергилия считались образцовыми и изучались в учебных заведениях. Древняя литература полна преклонения перед этим автором, ему подражали эпические поэты.

«Opera omnia» (с лат. – собрание сочинений), Лейденское издание произведений величайшего поэта Древнего Рима Публия Вергилия Марона (70–19 гг. до н. э.), напечатанное в 1657 году, – самая старая поэтическая книга Зональной научной библиотеки ВГУ. Сегодня мы имеем возможность прикоснуться к истории – книга пережила столетия, её может увидеть любой желающий.

Практически все творения Вергилия вошли в это издание: «Буколики», «Георгики» и «Энеида». Комментарии, справочный аппарат дают представление

о масштабе творчества автора. «Opera omnia» имеет владельческую запись «Sneschenevs». Есть и суперэкслибрис – знак «А. М.», оттиснутый на корешке книги для обозначения её владельца. Инициалы расшифровать не представилось возможным. В книге 1063 страницы, бумага имеет водяные знаки.

Не тронутые временем страницы, окрашенный золотой краской обрезной край, заставки, концовки, инициалы, сигнатуры... Гравюры, широко применявшиеся в книгопечатании тех лет, вызывают восхищение: они полны намёков и иносказаний, всё имеет метафорический смысл, каждый предмет в соответствии со средневековой традицией соответствует определённому понятию. Титульный лист украшен гравюрой, содержащей шрифтовой, декоративный и иллюстративный компоненты. Здесь нет ничего лишнего, всё продумано до мелочей. В центре композиции – Вергилий. Поэта посетила муза... Ни один библиофил не останется равнодушным при виде шедевра, изданного в типографии Фрэнсиса Хакиума.

Отдел редких книг ЗНБ по праву гордится старопечатным изданием произведений Вергилия «Opera omnia». Место хранения – Музей книги ВГУ.

Лев Рудковский,
член Союза писателей России

СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР

Николай Бирюк

Профессор физического факультета

Політ у вічність

*Присвячується світлій пам'яті
Героя Радянського Союзу
Катерини Іванівни Зеленко (1916–1941),
воронезької льотчиці, єдиної в світі жінки,
яка здійснила повітряний таран*

Літаком керує жінка,
В синім небі креслить шлях,
Птах сталевий плине стрімко
На повітряних полях.
Жінка-воїн стежить пильно,
Бо в блакиті– таїна
І природа не прихильна –
Навкруги гримить війна.
Що це? Цятки в яснім небі
Швидко ближчають, мерщій,
То спішить в лихий потребі
Літаків ворожих стрій.

Приготовлених до бою
Їх веде німецький ас,
Щоб хижацькою ордою
Поневолити всіх нас.
На шляху злодійській зграї,
Перешкода стала так,
Що на захист своєї краю
Линув в битву наш літак.
Задимів фашистський коршун
Та й потягся до землі.
Панувать хотів та скорше
Смерть знайшов в чужій імлі.
Бій нерівний і навколо
Кулі з свистом смерть несли,
Сім стерв'ятників у коло
Славну льотчицю взяли.
Хоч закінчились набої,
Не здійснився фашистський план:
Жінка – ас не вийшла з бою
І заходить на таран.
Падає, як птах підбитий,
На землі – остання мить!
В пам'яті їй вічно жити –

То в безсмертя птах летить!
І з небес нам посилає
Ясним променем привіт.
То Катюша-зірка сяє,
Зачаровуючи світ.

ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО НА РУССКИЙ

М. И. Костомаров

Зорі

Вийду нічю в чисте поле – гроби бовваніють,
Погляну я в чисте небо – там зорі зоріють.
Ясні зорі, красні зорі, любі зорі, милі!
Буду на вас споглядати, стоя на могилі.
Раннім рухом, живим духом на синім просторі
Огнем грають, світлом сяють неодмінні зорі!
Плинуть зорі без упину вічними шляхами:
Не нам, не нам, дітям праха, любоваться вами!
Нас неволя, наша доля на світ породила,
Подразнила свободою та й не вдовольнила;
Дала розум пізнавати, що ми дурні зроду,
Дала серце нарікати на власну природу,
Обіщала щастя-долю, а горе послала,
Підманила надією, а гроб дарувала!
Зорі світять, як світили і будуть світити,
А ми, на їх подивившись, ляжем в землю тліти.
Дражнить вічність чоловіка в темній високостві,
А могила очікує його трухлі кістки!
Душа рветься все до неба – непривітне небо.
Непривітне, безотвітне – нас йому не треба!

Николай Иванович Костомаров

Звёзды

Выйду ночью в чисто поле – гробы мерещатся,
Посмотрю в глубины неба – там звёзды звездятся.
Ясным звёздам, красным звёздам,
 светлым звёздам, милым

Посылать привет я буду, стоя на могиле.
Тихим звуком, живым духом в синеве высокой
Огнём пышет, светом дышит звёздный мир далёкий,
Плывут звёзды тихо, плавно вечными путями;
Не нам, не нам, детям праха, любоваться вами!
Нас неволя, злая доля в бренный мир родила,
Подразнила мнимым раем и о нем забыла;
Дала разум обличить нас с рожденья дурными,
Дала сердце уличить нас морально нагими,
Обещала судьбу-счастье, а горе наслала,
Поманила надежду, а гроб даровала!
Звёзды светят, как светили, горят бесконечно,
А мы, на них насмотревшись, ляжем тлеть навечно,
Дразнит вечность человека в бесконечном росте,
А могила уже готова принять его кости.
Думы к небесам стремятся, смотрят в небо дружно:
Неприветливое небо – нас ему не нужно.

Пер. М. Д. Бірюк

Вікторыя Галоўчык

Белорусская поэтесса из города Бреста. Её публикации можно встретить на страницах периодической печати, в коллективных сборниках, детских журналах и литературных альманахах Союза белорусских писателей. Победитель республиканских литературных конкурсов. Окончила Барановичский государственный университет, работает учителем начальных классов

Аліса ў краіне цудаў

Жыве Аліса ў краіне цудаў,
Каварных асоб, несумленнага люду.
У свеце закрэсленых мар і надзей,
Загубленых мітуснёю ідэй.
У свеце, дзе месца пачуццям няма,
А выйсце не прыйдзе раней, чым труна.
У свеце пахабнасці і недаверу,
Дзе грошы галоўная спроба памеру.

Жыве Аліса сярод падманаў,
Сярод незавершаных дзеяў і планаў.
У свеце зламаных, стаптаных надзей,
Нікому дарма непатрэбных ідэй.
У свеце, дзе здрада не лічыцца здрадай,
Пакуль не адкрыецца ўсім для агляду.
У свеце сяброўства, што толькі на словах,
Дзе кожны ўдар і выключны, і новы.

Жыве Аліса, жыве-існуе,
Змагаецца, верыць, бясконца даруе.
У свеце цудоўным, дзе вынік адзін.
Гарантый няма.

Пажывем-паглядзім..

Сцежкі дзяцінства

Дзяцінства сцэжкі грэюць успамін.
Іх позіркам лагодным ахінаю.
Я вырасла! Але па сцэжкамi тым
Дзяўчынкаю маленькаю ступаю...

На ганак сяду, пасяджу.
За плотам
Знаемыя будовы, дрэвы, людзі.
Ні за якім жыццевым паваротам
Нічога болей родным мне не будзе.

Чэрвеньскі заход

На заход глядзець вачам балюча:
Асляпляльны чэрвеньскі заход!
Абдымае жоўты плед гаюча
Зблытаных аблокаў карагод.

Белых крылаў рэзкія ўзмахі,
Шэраг гукаў розных навакол,
Ажыўляе гарадскія дахі
Урачысты гоман галубоў.

Вецер паляцеў, не развітаўся,
Адпачынак змушаны шукаць.
Толькі дугі срэбныя застаўся
Самалёт у небе маляваць.

Горад. Хуткі тэмп. Жыццё з падлікам.
Грошы і расклады ў галаве.
Трэба памятаць – у атачэнні лікаў
Штосьці нам зламацца не дае.

Паветрапатрэбныя людзі

Чуваць толькі скрыгат агіды,
Што месца знайшла балючае.
Суквецце ўспамінаў гаючае
Бязлітасна душыць.
Прывіды
Няспраўджаных момантаў рухаю.
Парады пытаю – не слухаю.
Паветрапатрэбныя людзі,
Вас сэрца ніяк не забудзе.
Далёка, шкада, мы разбегліся,
Іспытам гадзіны разлегліся.
Сустрэчы чаканне маўклівае.
І вера,
што ўсё не фальшывае...

Тияна Ёкич

Сербия. Живёт в Белграде. Пишет на русском и на сербском

Ко си ти?

Гледам у твоје очи...
Међу нама ништа није било,
а све је било.

Ко си ти,
и зашто ја у твоје очи гледам?
Шта у њима видим?
Шта у њима тражимо?

Можда ружу белу,
која није овоземаљска.
Из непознатих пространстава универзума,
она љубав на земљу доноси.
Када сам да је дотакнем хтела,
она је у белој измаглици ишчезла.

Можда сам у њима лептира видела,
који вечно пролеће у срце доноси.

Лептир је из твојих очију излетео,
око мене је летео.
Када сам да га ухватим хтела,
он се у твоје очи вратио,
од мене је одлетео.

Можда сам звезду небеску
у твојим очима приметила.
Она је у њима сјајну искру запалила,
искру која ме је осветљавала.
Када сам звезду да додирнем хтела,
она као да је сагорела.

Али тебе нема.
Нема руже беле.
Нема лептира.
Нема небеске звезде.

Једном сам их ја све у твојим очима срела.
Али чини ми се, било је то давно.
А сада не знам
ко си ти или ко си ти био!
Знам само да је међу нама све било,
а ништа није било.

Можда ћу једном поново
твоје очи срести,
а можда то неће бити никада.

Ко си ти?
Да ли си ти са овог света
или сам те само сањала?

Лептир

Ухватила сам лептира!
Око мене је летео,
пружила сам руку своју,
на мој длан је слетео!
Пажљиво сам га гледала,
док је на мом длану лежао,
својом ме лепотом очаравао.
А онда је одједном полетео,
на моје груди слетео,
чини ми се да је у моје срце долетео.

И више га ја не видим!

Али осећам,
у мом срцу сада лептир живи,
своја ми крила даје,
могу свет из висина да посматрам.
Његовим крилима летим,
грлим срца сва,
у која је лептир с пролећа долетео,
својом их лепотом украсио.

Срца која лете крилима лептира,
препознају се,

заједно нови свет откривају.
Што више срца лептирима буде даровано,
брже ће и лакше,
читав свет попут чаробног лептира да одлети,
тамо где само љубав царује
и вечно пролеће нама дарује,
тамо где само љубав може срца дотаћи
и где ће сви лептири једном стићи.

А зашто се ја са својим лептиром
нисам раније срела?

Можда њега раније није ни било!
Ја сам лептира тражила,
а гусеницу сам добила!
Нисам гусеницу хтела,
лептира сам желела.
Али када сам гусеницу заволела,
она се у лептира претворила!

Али сада сумњам,
да ли сам их ја икада видела и ухватила,
или је све то било само привиђење.
Можда они никада нису ни постојали!
Можда сам та гусеница била ја,
која је сада лептир постала!

Чудесан дан

Да, бива понекад чудесан дан!
По таквом дану може се осетити,
како садашњости свитање
сусреће светлост нову.
Како светла, месечином обасјана ноћ,
таму прогања.
Како сунчева светлост
боју неба мења.

Бива такав чудесан дан,
када долази необичан сан.
Тада је немогуће привиђење од сна
разликовати.
Из мора се рађа мистична зора,
на хоризонту је душа среће.
Дува и неземаљски ветар.
Бива такав чудесан дан.

У таквом чудесном дану,
немогуће је схватити шта је јава, а шта сан,
само осећаш,
као да је душа из тела изашла
и свевидећим очима посматра
светлост, свитање, ноћ, месец,
нешто нашем разуму несхватљиво.

Јер су очи душе,
наше очи унутрашње!
И само њима можемо видети

истинску природу ствари,
смисао и циљ спознати,
и утом правцу пут тражити.

Да, бива понекад такво чудо,
када се кроз сенку,
може назрети светли,
чудесан дан.

Кто ты?

Я смотрю в твои глаза...
Между нами ничего не было,
А все уже было.

Кто ты,
И почему я в твои глаза смотрю?
Что я в них вижу?
Что я в них ищю?

Может, розу белую,
Которая неземная.
Из незнакомых пространств вселенной
Она приносит на землю любовь.
Я ее коснуться хотела,
Но она в белом тумане исчезла.

Может, бабочку я в них увидела,
Которая вечную весну в сердце приносит.
Она из твоих глаз вылетела,
Вокруг меня порхала.
Когда я ее поймать хотела,
Она сразу в твои глаза вернулась,
От меня улетела.

Может, я звезду небесную
В твоих глазах заметила.
Она в них блестящую искру зажгла,
Искру, которая меня озаряла.
Я звезды коснуться хотела,
Но она как будто сгорела.

А тебя нет.
Нет розы белой.
Нет бабочки.
Нет небесной звезды.

Когда-то я их всех в твоих глазах встретила,
Но, думаю, это было очень давно.
А теперь не знаю,
Кто ты или кем ты был!
Знаю только,
Что между нами все было,
А ничего не было!

Может быть,
Когда-нибудь я твои глаза снова встречу,
А, может, этого не будет никогда.

Кто ты?
Ты из этого мира
Или ты мне приснился?

Бабочка

Я поймала бабочку!
Она вокруг меня летала.
Я вытянула к ней руку свою,
А она на мою ладонь села!
Пристально я на нее смотрела,
Вот она на ладони моей,
Меня очаровывает красотой своей.
А потом она вдруг полетела,
На грудь мою села,
Кажется, в мое сердце она прилетела.

И больше я ее не вижу!

Но чувствую,
Она теперь в моем сердце живет,
Дает мне крылья свои,
На мир я могу смотреть с высоты.
На ее крыльях я лечу,
Обнимаю все сердца,
В которые бабочка прилетела весной
И украсила своей красотой.

Сердца, которые летят на крыльях бабочек,
Друг друга узнают,
Новый мир они открывать начинают.
Чем больше сердец бабочками одарено будет,
Тем быстрее и легче
Весь мир волшебной бабочкой улетит
Туда, где любовь царит
И вечную весну нам дарит.
Туда, где может коснуться сердца только любовь,
И куда бабочки прилетают вновь и вновь.

А почему мы с моей бабочкой
Раньше не встретились?

Может, ее раньше и не было!
Я бабочку искала,
Но гусеницу поймала!
Не хотела я гусеницу,
Я бабочку хотела.
Но, когда гусеницу полюбила,
Она в бабочку превратилась!

А видела ли я их когда-то или поймала?
Теперь у меня появилось сомнение,
Что, может, все это было видение.
Может, их никогда и не было!
Может быть, гусеницей я была,
А теперь бабочкой стала!

Чудесный день

Да, бывает порой чудесный день!
В такой день можно почувствовать,
Как действительности рассвет
Встречает новый свет.
Как светлая лунная ночь
Прогоняет темноту прочь.
Как солнечный свет
Меняет неба цвет.

Бывает чудесный день такой,
Когда приходит необыкновенный сон.
Тогда невозможно отличить
Видение от сновидения.
Из моря рождается мистическая заря,
На горизонте встречает ее душа.
И дует ветер неземной,
Бывает чудесный день такой.

В такой чудесный день
Невозможно понять, что явь, а что сон,
Только чувствуешь,
Что душа как будто вышла из тела вон
И всевидящими глазами смотрит
На свет, на рассвет, на ночь, на луну,
На что-то непонятное нашему разуму.

Ведь глаза души,
Они наши глаза внутренние!
И только ими нам удастся увидеть
И познать природу вещей,
И, осознавая смысл и суть,
В том же направлении искать путь.

Да, бывает порой такое чудо,
Когда сквозь тень
Можно увидеть светлый,
Чудесный день.

Иван Нечипорук

Коренной горловчанин. В довоенном прошлом – шахтёр с двадцатилетним подземным стажем. Выпускник Горловского института иностранных языков и Славянского государственного педуниверситета. Автор нескольких поэтических и публицистических книг. Редактор журнала «Пять стихий». Публиковался в литературных журналах России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Киргизии, Казахстана, Болгарии, Германии, Австралии. Член Союза писателей России

Екатерине и Марии Шибко

Вчера обстрел – сегодня тишина,
И только ветер, бередящий клёны,
Прорвавшись в трещину разбитого окна,

Мне песню напевает утомлённо,
Про то, как надоедлива война.

Мой хрупкий быт висит на волоске,
Мои волненья, как тугая роздымь...
И я смотрю сквозь дырку в потолке
На горькие испуганные звёзды,
Сжимая крест в слабеющей руке.

Не говори со мною о войне

Зачем ты бредишь печаль во мне,
Зачем тревожишь раненые чувства?
Не нужно черпать боль в моём огне,
Не говори со мною о войне!
Поговорим о кризисе искусства!

Давай болтать о ветре и траве,
О вечности поспорь со мной! Попробуй
Поговорить о Питере, Москве,
И пусть беседы льётся тихий свет...

Ну, а война и так во мне до гроба...

Время спустилось до сумерек августа
И растревожило в памяти сны...
Сумерки эти нам свыше даны,
Чтобы осмыслить наш путь разухабистый,
Словно сквозь призму всеобщей вины.

Доброе слово, из боли проросшее,
Станет предвестником песен и книг.
Освобождая свой день от вериг,
Верим, как дети, лишь только в хорошее
И преломляем, как хлеб, светлый стих.

Быть русским

*Быть сегодня русским – непросто...
Анна Лексина*

Иди вперёд с открытым взором ясным,
Куда бы ни вела тебя стезя,
Будь русским там, где русским быть опасно,
Будь русским там, где русским быть нельзя!

И там, где пропасть пролегла раскола,
И там, где в спину целится небрат,
Будь русским и храни святое Слово,
Как веру и любовь в душе хранят.

Ни предчувствий, ни наитий.
Задыхаясь в ложном быте,
Вскрикнуть хочется: «Держись!»
Через жернова событий
Нас прокручивает жизнь.

Но идём ветрам навстречу,
Позабыв, что время лечит,
Отгоняем липкий страх...
А идти-то нам далече –
Долог путь из праха в прах.

Виктория Полякова

*Окончила Днепропетровский горный институт.
Работает хранителем фондов Музея миниатюр-
ной книги имени В. А. Разумова. Публиковалась
в периодической печати Горловки и Донецка, в
коллективных сборниках и альманахах Донбас-
са, в литературных журналах «Молодая гвардия»
(Москва), «Сура» (Пенза), «Северо-Муйские огни»
(Бурятия), «Метаморфозы» (Гомель), «Аргамак»
(Татарстан), «Доля» (Крым). Автор нескольких поэ-
тических сборников. Член Союза писателей России,
литературного объединения «Забой» (Горловка),
литературного объединения авторов Донбасса
«Стражи весны».*

Война! – Не в прошлой жизни это было,
А верится с трудом:
Иссечена осколками рябина,
Без окон дом.

Война! – Я не учебники читаю,
Не хроники, где был последний бой.
Меня настигла пулемётным лаем,
Разрывами над самой головой.

Война нашла очередную жертву:
Мир – полигон.
И гаубиц ощерились жерла
Со всех сторон.

«Война!» – сигналият бешено клаксоны,
Оповещая встречных на пути.
Война в бессилье Горловской мадонны,
Ребёнка прижимающей к груди.

Война! – мозг нападавших нашпигован
Идейным бредом, как в сороковом.
Война. Я ненавижу это слово
Всем естеством.

Сердце всё так же ёкает,
Каждый считая выстрел.
Я вдалеке «прилётами»
«Музыку боя» слышу...

Музыка канонадная,
Но не от Баха.

Слух мой совсем не радуют
Взрывы и «бахи»...

Я различаю выстрелы:
Танк, самоходка, мина.
(Не удаётся выпастись...)
Господи, нас помилуй!

Жизнь или в пулю ценится,
Или в осколок ГРАДа.
Моцарт. Оркестр. Реквием.
(Смерть – она рядом...)

Памяти Анны Ахматовой

Быть для тебя хотела
Ангелом. – Не сбылось.
Многое нужно сделать:
Вот стоит помело...

В муках рождалось слово,
Чтоб осчастливить мир.
Я же дрова колола –
Надо разжечь камин.

Плачущая Мадонна,
Муза, чей образ чист.
В этом Фонтанном доме
Всё обо мне кричит.

Таинство ночи белой:
Питер, Нева, мосты...
Я собирала беды,
Чтоб их не ведал ты!

Я Рождества пью благодатный воздух.
Снег долгожданный, словно крылья, бел.
...А над собором вспыхивают звёзды –
Дорогоуказатели к Тебе.

О чём сказать?.. Ты сам всё видишь ясно.
Про что молить?.. Покоя в мире нет.
Пусть Вифлеемская звезда не гаснет
И охраняет город мой от бед.

Дай не ступить на василиска, змия.
Дай не дрожать пред аспидом и львом.
Останови бездушья пандемию.
Я о Тебе читаю паремию,
Веду обычный с Богом разговор.

Пью благодать, разлитую в природе.
Пусть Рождество, как сказка, не проходит.

Посвящение Марине Цветаевой

Неспешно шла тропую узкою. –
Тоска безмерна...

И падали слезинок бусины
В альбом «Вечерний».

Твоим стихам пронзать – не радовать.
Чувств обнажение,
Всечеловеческая надоба –
Не утешенье.

Была та встреча – не случайною.
Рыжела осень.
Обольщена твоими чарами –
Многоголосьем.

О, эта тишина кричащая.
Бумаги шелест...
А на устах – печать молчания
До Воскрешенья...

Александр Товберг

По образованию – сознательно не состоявшийся журналист; по профессии – был многим, но не стал всем; по призванию – фантазёр с гротескно-поэтическим уклоном. Печатался в разнообразных изданиях Украины, России, Беларуси, Казахстана, Германии. Член правления Донецкого регионального отделения МСП

1914

Век перепачкан датами
Год перепичкан числами
Земля кишит солдатами
А крыши – трубочистами

Сгорает век Серебряный
Дымы плывут, как аспиды
И Аннушка Каренина
Уже разлила маслице

Слетает пепел перистый
Плоится запах ладанный
И сонная империя
Неслышно в небо падает

И отблесками ожили
Гранатовыми, рыжими
Слова слегка похожие
На слабый шёпот – выживем...

Лето 1917

Памяти Б. Л. Пастернака

1

То, что иными за год не сделано, –
Вот оно, здесь оно – «Памяти Демона».
Памяти лета, дождей и трав.
Скорее, скорее, – глаза продрав, –

С ключьями снов ещё за спиной,
В логово сада, как в нечто родное, –
Безмозглым зародышем в лоно матери, –
И вспомнить, и стать первооткрывателем.

Ткнуться горячим от счастья взглядом,
Шептать, бормотать, наполняться ядом,
Терпкой отравой стеблей и веток,
Соком земли, живизной планеты.

Стать странником странным, любимцем птиц,
Язычником стать, и валиться ниц,
Молиться льющимся ливням света,
Предощущая, что это лето –

Будет последним, и позже – первым,
Его разрушат и опровергнут,
И слёзы дождей превратятся в кровь и –
Смоют в болота своих героев.

2
И переполнив себя грядущим,
Ты возвращаешься, – бьёт озноб.
Пишешь, вздыхаешь, пальцами плющишь,
Лепишь нервно высокий лоб.

Трепещет тревога, бьётся в тебе она,
Сознание удерживая едва.
Памяти лета, памяти Демона, –
Оставить в живых бы слова, слова.

Не расплескать бы всего, что видел,
Сферы миров нанизать на нерв.
А время грезит о суициде,
Грозящем бредущей во тьме стране.

Не расплескать бы всего, что станется,
В зеркале теплится твой двойник –
Твой Демон – по просьбе души-скиталицы,
Как спелые сливы, срывает дни.

Не расплескать бы всего, что случится,
Не растряссти б по ухабам бед.
К тебе этим летом пришла отчизна
И тихо призналась: «Ты мой, Поэт».

Но ты позабудешь всё то, что сбудется.
Под пальцами жилка стучит в висок,
И тростью солнце стучит по улице
Слепого лета
 семнадцатого,
 тысяча девятьсот.

Поэзия Владимира Набокова

О, как пронзительно и просто
Стихи восходят в глубине –
Серебряного века остров
Всплывает к памяти во мне.

О нет, мой друг, не в этом веке
Другие вспомнят и не здесь –
О стихотворце, человеке,
Который был, который есть.

Неторопливое движенье,
Округлый взмах его пера,
И холод головокруженья,
И нежеланье умирать.

И горькая его Россия
В чужих зрачках березняком
Мелькнёт неистово-красиво,
Янтарным канув мотыльком.

О, бабочка-душа, Психея,
Так прихотлива и чиста –
И плачет маленькая фея,
Уверовавшая в Христа.

А дождь шумел, раскачивая квартал

А дождь шумел, раскачивая квартал,
И сотни эх сливались ровным хором,
И пешеходы шли – зонты, плащи и куртки,
И капюшоны, шляпы и зюйдвестки,
И шли деревья и автомобили,
И шли дома, и крысы шли за город,
И утопали, расплываясь в шуме,
Который плёлся, плыл, плоился,
Который был во мне, вокруг, в округе,
Который снился долго-долго-долго,
Сомнамбулическим укачивая ритмом,
И мне, сомнамбуле, мерещился корабль,
Мерещился корабль, на котором
Я отплывал с Артюром в неизвестность,
Я отплывал, не возвратиться чтобы...
Мне снился сон, мне снился сон о прошлом,
Которое могло произойти.

Человекозавр

Это я, ты слышишь, это я –
Здесь, на этой улице живу.
В центре тьмы от света затаясь,
В кокон сна укутан, как паук.

Вот дымок над хатою дрожит,
День до жил, до косточек промёрз.
Доживаю кратенькую жизнь,
Допиваю помидорный морс.

Прошлый год, будто слюну, сглотну,
Да заглохну снова на годок.
Месяц приспособился к окну, –
Рыжеватый смайлик-колобок.

Майся, смейся – что-нибудь найдёшь,
Было бы желанье отыскать.

По двору без тувель, без калош
В чёрную уборную вбредёшь
И поймёшь – насколько цель близка.

Где-то здесь и скоротаешь век.
Вытекут и высохнут глаза.
Несусветный зверочеловек,
Позабытый человекозавр.

И не стать мне кем-нибудь другим.
Аз есмь я, ты слышишь, это я –
Печь топлю и складаваю дым
Кольцами в заглашник бытия.

Василий Толстоус

Проживает в г. Макеевке (Донбасс). Член Межрегионального союза писателей. Публиковался в литературных журналах и альманахах России, Канады, Украины, Германии. Автор нескольких книг стихов, изданных в Москве, Киеве, Донецке и Мариуполе

Покой

Спилили дерево в саду.
Из-за бесплодности спилили:
мол, не растит уже еду –
одна листва в зелёной силе.
Дрожали ветви под пилой
и мягко наземь опадали,
сминая дёрна плотный слой,
дивясь нежданной опале.
Ствол оголённый, без ветвей,
стрелой, глядящей в небо, замер.
Кора бугрилась, и по ней
тягучий сок стекал слезами.
Летели птицы мимо вдаль.
Катилось время бессловесно.
Ещё питала ствол вода,
не зная, что питать ей вместо –
когда, сказав земле «прости»
за то, что взрезан, словно горло,
ствол опустился с высоты
как жил – бестрепетно и гордо.

Есть на свете высокие лестницы,
ни поднять их гурьбой, ни снести.
Эти лестницы в небо, до месяца –
можно звёзды снимать по пути.
Каждой ночью я лестницей по воду
опускаюсь в далёкий затон,
и с поклажей по Млечному ободу
ухожу, чтоб не видел никто.
Я давно здесь работаю дворником,
водоносом, да мало ли кем.

У меня есть губная гармоника,
чтобы птицам играть на реке.
Журавли пролетят – я курлычу им,
и они мой привет повторяют.
Я слежу за хорошим обычаем
Новый год начинать с января.
Если ёлки в квартирах украшены,
если блещет луна за окном,
и чтоб счастья – лишь полными чашами, –
это я. А спасибо – потом.

Пройти ли морем, словно посуху,
оставив берег за спиной –
туда, где солнце русоконое
открыло в облаке окно,
влететь в него, сплетая пальцами
вечерний воздух пред собой,
а моря лист как будто глянецовый –
блеснёт и сморщится, рябой...
Пройти ли пляжем по-над берегом,
хрустя под пятками песком,
как в старом фильме Гришка Мелехов,
тоской разбуженной влеком.
И будут видимы сражения,
что, отгремев, произошли –
в неуловимом отражении
на стыке неба и земли...
Пройти ли временем загадочным,
касаясь пальцами эпох.
Вот проскакал в столицу нарочный.
Вот лепит мир в неделю Бог.
А то в уснувшем общежитии
опять обнимешь гибкий стан...
Что будем жить – предположительно.
А что умрём – все будем там.

Ты в комнате плачешь, в ночной тишине,
в подругу-подушку уткнувшись.
Ползёт над тобой чья-то тень по стене –
кошмара полночного ужас.
С небес на тебя смотрят звёзды в окно:
вот стол, вот фигурка у стенки,
и шепчутся тихо – им не всё равно,
им нравимся мы, человеки.
В их дальних краях много пыли и льда,
и мчат неживые планеты.
Вдруг, ближе к утру, пролетая, звезда
Подумает: «Девушка, где ты?»
А ты поднялась и, набросив пальто
и дверью пружинящей хлопнув,
идёшь на восток по дороге пустой,
глядишь в освещённые окна.
Рассвет недалёк, и погасит заря
все звёзды и город разбудит.
Идёшь: фонари вдоль дороги горят,
как звёзды и, может быть, – люди.

Я днём и вечером неравен.
Мой день от вечера далёк.
Вечерний мир любим и главен
шеренгой выстроенных строк.
Дней одинаковые лица:
на них вне дат и годовщин
умельцем призрачным гранится
узор из грусти и морщин.
Я ночью силой прирастаю –
душа и крепче, и смелей,
и я под утро точно знаю,
что жизнь рубцует на ней,
ведь бесконечно одиноки
и никогда им не срастись –
мои рифмованные строки
и нерифмованная жизнь.

Мария Томкович

Сотрудница детского реабилитационно-оздоровительного центра «Надежда – XXI столетие». Участница литературного объединения «Вдохновение» имени Адама Гуриновича. Печаталась в газете «Путь победы», в коллективных сборниках «Вілейскі звон», «Любы край, дарагі», «Адчыні сваё сэрца», «Іду на споведзь...», «Не перасохнут звонкія крыніцы», «На парозе вечнасці», «Надежда в моём сердце» и др. изданиях. Живёт в г. Вилейка (Беларусь)

Гаспадар ты ці госць?

Гаспадар ты ці госць на бацькоўскай зямлі?
Твая мова табою чамусьці забыта.
Не табе дораць песні свае салаўі
І дзіцятка суседа ў люльцы спавіта.

Гаспадар ты ці госць на бацькоўскай зямлі?
Перасохлага поля абшары і хмары
І твой прадзед і дзед для цябе збераглі
Ды пазбавілі продкаў сваіх ад навалы.

Гаспадар ты – не госць на бацькоўскай зямлі,
Калі матчыну песню ўнукам спяваеш,
Калі бацькава слова – закон для сям'і
І калі ты зямлю і сям'ю сваю маеш.

Шчасце з хуткім ветрам
Праняслося полем.
Плача маладзіца,
Што згубіла долю.

Можа, на ўзлеску,
Як грыбы збірала.
Можа, пад снапочкам,
Як збажынку жала.

У завею-сцюжу,
Пад заносам снежным.
Ці ля той ігрушы,
Дзе складаўся вершык.

Доля, мая доля!
Я прашу: вярніся!
Плакала, маліла
Дзеўчына Марыся.

Хто ж ёй дапаможа,
Беднай сірацінцы?
Дзе вы, мама, тата,
Брацік і сястрыца?

Дзе цвіце чаромха,
Салавей спявае
Згубленую долю
Дзеўчына шукае.

Партнёрства

У сэрцы надзея, у сэрцы любоў
І вера ў сэрцы таксама.
Агеньчык партнёрства распальваем зноў
Чарговай сустрэчай з сябрамі.

Чым больш дабрыні мы падорым, цяпла
Адзін аднаму на планеце,
Упэўнена: свет не захопіць вайна
І мір запануе на свеце.

Мы з розных краін сустракаем гасцей:
Палякаў і немцаў, японцаў.
Усмешкай усхвалім наступны наш дзень.
Засвеціць пяшчотнае сонца.

Дай Бог, каб у згодзе народы жылі,
Партнёрскую сувязь трымалі.
Належна, адказна шлях дружбы прайшлі,
Нашчадкам зямлю завяшчалі.

Пра тату

Мы помнім вайну з расказаў бацькоў.
Матуля сына выпраўляла –
Абразік з выявай Божай сям'і
У кішэню ля сэрца схавала.

Ідзі, мой сыноч, за Айчыну ў бой.
Ня пойдзеш – сям'ю пастраляюць.
А нашы малітвы, табе, любы мой,
У горы няхай памагаюць.

І сёстры чакалі, мама, радня...
Ён ворага гнаў кіламетры.
Зямельку сваю, як мог, бараніў,
Было, што лік веў і на метры.

Як куля прашыла тату майго –
Так снайпер-фашист пастараўся.
Да родных вуглоў вярнуцца живым
З надзеяй да Бога звяртаўся.

І Бог дапамог, прыехаў дамоў.
Ды гора сям'ю не мінула.
Якраз у той дзень памінкі былі –
Сынкі не сустраў наш дзядуля.

Нядоля спаткала тату ўсё ж
На полі сваім, сенажаці.
Свірэпку касіў і пырнік араў
З малітвай да Божае Маці.

Елизавета Хапланова

Родилась в г. Макеевка (Донбасс). Окончила Харьковский Национальный университет внутренних дел, затем – адъюнктуру. Член Союза писателей России. Главный редактор альманаха «Литературная Макеевка»

Что снится мне...

Что снится в тесных домах Дамаска,
Покрытых пороха серой краской,
Таким как я, бесконечно сирым,
Просящим крова, воды и мира?

Что снится мне посреди кварталов
Нью-Йоркских хижин, бродвейских балов,
Что снится там, на Полях французских,
Когда любой говорит по-русски?

Когда в Афгане живым из боя
Ты выходил... я была с тобою.
И сны такие рождались в строках, –
Врезались в почву слова глубоко!

Войне плачú я своими снами.
Но краснозвёздное вскину знамя
Великой русской моей державы! –
Спасибо той, что меня рожала.

Что снится девочке из народа, –
Донбасской крепкой она породы.
Но я смолчу... а глаза ответят:
мне снится порох и дым столетий.

На Руси

Ладаном пахнет воздух.
Господи мой, прости!
...Из песнопений создан
Тот, кто рождён на Руси.

Небо залито светом
Сквозь череду дождей.
Пахари и поэты –
Дети Руси моей.

Нет, не за лёгким счастьем
К свету бредёт душа...
Свечечка не погаснет,
А за душой – ни гроша!

В этом святая сила
Каждого на Руси.
В шёпоте негасимом:
«Отче наш, иже еси...»

Каин

Снова ты, брат мой Каин, показался в судьбе.
Я своими ногами шла навстречу тебе...
Много раз привечал ты до поры... до поры.
Перемешивал карты – нет опасней игры.

И являл ты собою то друзей, то коллег,
То обветренных боем, но душевных калек.
...Это ты, брат мой Каин, продавал ордена.
Каинята алкали, чтоб сгорела страна.

Ты набрасывал сети, бил вслепую мечом.
Ты – нигде не в ответе. Ты – везде ни при чём!
Нет, не так... Ты – повсюду. Каин... он вездесущ.
Он – начинка фастфуда, чей-то сорванный куш,

Для кого-то он – пуля, ядоносная боль.
Погубив – поцелует... Каин, брат мой, постой.
Измени свои цели, не топчи борозды!

Каждый раз тебе верю.
...Каин, хочешь воды?

Жатва

Смертоносная жатва осени,
приближающей «Час Быка»...
Все мы нищие, все мы босые...
Но крепки и рука, и строка.
Все мы странники безнадёжные
по дороге в небесный край.
И бредём к Алтарям... безбожные.
А не спрятался – погибай.

Нам привычно пером и шпагою
выбирать свой дальнейший путь.
Но взлетает Душа – не падает...
когда пуля достанет грудь.
Все мы держимся эфемерностью,
иллюзорностью бытия...
Только б нам доставало смелости
застилать свою жизнь в поля.

Смертоносная жатва осени...
 Надо выдержать новый бой.
 Под наркозом ли... под колёсами...
 не раздавлены под пятой!
 И не каменные, не свинцовые,
 не металлом влитые в жизнь, –
 Будут розы цвести – садовые,
 словно символ: «Донбасс, держись!»

Сколько жатва ещё протянется?
 – Всё мы выдюжим, вот те крест!
 Не бывало, чтоб Каин каялся.
 Но распятый-то Сын воскрес...
 «Час Быка» невозврата точкою
 отмечает ладони нить.
 Но Донбасса сыны и дочери,
 – вот те истина! – будут жить.

Вот и снег... Вот и снова укрылась земля
 Серебристым покровом. Но стала ли этим сильнее?
 За границей судьбы – тополя... тополя... тополя...
 За границей любви – те слова,
 что сказать не посмели.

Год придёт... Обнадёжит, а после – предаст.
 Так давно повелось, только мы не всегда замечаем.
 Я вчера – умерла. А сегодня читаю для вас
 Благодарный акафист, исполненный светлой печали.

Он спешит, этот снежный упрямый песок,
 Хочет нас научить укрываться от зимнего сплина.
 Год двадцатый уйдёт и оставит особый урок –
 Пониманье того, что мы все,
 словно вздох, неделимы.

Вот и снег... Он отныне ценнее стократ.
 Как и всё в этом мире! Как мир...
 Как бездонное небо!

Мы идём по земле: наудачу, на смерть... наугад.
 А за нами растут города, песнопенья и склепы.

Вот и снег... Вот и снова укрылась земля.

Андрей Шталь

Родился в Орловской области. С 1977 года проживает на Украине. Журналист. Член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических сборников, участник и лауреат многих фестивалей поэзии и авторской песни. За стихотворения антимайдановского содержания в августе 2014 года несколько дней находился в плену в украинском батальоне «Днепр-1»

Мертвецарь

По закону наших мёртвых отцов
 Погребают мертвецы мертвецов,
 Встали строем повапленным гробы,
 Умоляют «Мертвецов погребите!».

Хоронили мертвецы мертвеца,
 Пригласили на поминки жреца,
 Мертвецу стелили гроб как кровать,
 В мертвецерковь отнесли отпевать.

А мертвец среди безжизненных тел
 Умирать, подлец, совсем не хотел,
 Чтоб развлечься и развеять тоску,
 Он свистел дырой в пробитом боку.

Возмутились, слыша свист, мертвецы:
 «Не устраивай всем нам мертвецирк!
 Ты не клоун, но и мы не ханжи,
 Коль не хочешь помирать, так скажи!

Коли жизнь ещё не выпил до дна,
 То и смерть тебе пока не нужна!»
 Воскресли мертвецы мертвеца,
 И над ними он теперь мертвецарь.

Горелки

Жизнь безумна и нелепа,
 Дикая тоска.
 Да пошлёт сегодня небо
 Мне еретика!

В нашей мерзости охота
 С некоторых пор
 Обнаружить гугенота,
 Развести костёр.

Если нет тепла и света,
 Словно в старину,
 Пусть Господь позволит ведьму
 Сжечь хотя б одну.

In meavita

Тот дилетант, а этот профи,
 Господь кому-то лайкнет профиль.
 В борьбе за «лайки» и репосты
 Мы в этот мире всё же гости.
 Я, как и все, in meavita
 Пощусь и делаю «ретвиты»,
 Несу дань мыслей на погост.
 Великий пост.

Запах раффлезии

Жизнь – бесконечное насилие
 И путь тернистый в пустоту.

Умру. А после смерти лилией
Огромной, хищной прорасту.

Я в силу норова бунтарского
Назлю смертям смогу дерзнуть
И превращу в цветенье царское
Ничтожно мелочную суть.

Пятью огромнейшими листьями
Цветка, как царь, раскинусь вширь
И вспомню азбучную истину,
Что красота спасает мир!

Остановись, продлись, мгновение,
Застынь у вечности в глазах!
Дай позабыть, что рядом – тление,
И унижение, и страх!

Дай позабыть о том, что многие
Смердят, а спросишь их: «На кой?» –
Ответят: «Чтобы меньше трогали
И в душу лазили рукой!»

Борьба и путь вперёд, по лезвию,
По стеблям, к свету, наугад.
А в мёртвом воздухе – раффлезии
Непревзойдённый аромат.

Пуля

Стихи в карманном переплёте
читать приятно перед боем.
Война особо обостряет переживаний глубину.
Онегин был однофамильцем литературного героя,
И томик Пушкина в кармане
солдат пронёс через войну.

Смерть волочилась где-то рядом,
как и тогда на Черной Речке,
И после боя переполнен был до отказа лазарет.
Солдат читал стихи, как будто
ни ран не видел, ни увечий,
Солдату открывалась Вечность,
а Смерти не было и нет.

И вот тогда решилась пуля
онегинской отведать плоти,
Но не нашла дорогу к сердцу
солдата. Видно, не судьба.
Свинец навек остался в книге,
в карманном старом переплёте.
Солдата спас от смерти Пушкин
и принял пулю на себя.

Илья Шушкевич

*Магистрант факультета педагогики и психологии
Барановичского госуниверситета. Победитель
фестиваля «Арт-вакації» 2018 года – республи-
канского конкурса литературного творчества
студентов учреждений высшего образования
«АВТОГРАФ» в номинации «ПОЭЗИЯ». Печатался в
коллективном сборнике, университетских газетах
и периодике*

REFLECTION

*Ищите Меня и будете жить.
Амос 5:4*

*Тигель – для серебра,
и для золота – горн плавильный,
а Господь испытывает сердца.
Притчи 17:3*

Когда-то давно горы снегом покрыли.
«Не белым!» – художник отметит.
Лежит на вершине железом в горниле,
Родство открывая в комете:
Их свет из-за солнца заметен.

Сырая земля или горн раскаленный?
Жить в чистых лучах или скрыться? –
Рассвет не коснётся, нарушив законы,
Подножья, и к небу пробиться
Сумеет не всякая птица.

Глаза – зеркала, как и снег в своём роде,
А свет или тьма – отраженье.
Всегда человек выбирать был свободен:
Стоять или пасть на колени –
Решение сердце изменит.

ПЕРЕВОДЫ

Из лирики нобелевского лауреата 2020 года

Елена Есикова

Выпускница экономического факультета и факультета РГФ

Заутреня (Луиза Глюк)

Прости мне, если вырвется признание в любви к тебе, ведь сильным
вечно лгут, поддавшись вечной панике,
глупцы со слабой волей. Нельзя любить
уму непостижимое, а ты не открываешься
совсем: ты то кустом боярышника можешь быть –
всегда в одной поре, в одном краю пустившим корни;
то взбалмошною наперстянкой – сегодня
розовой стрелой средь полевых цветов взойти,
а завтра пурпуром в розарии мелькнувши. Ты должен видеть
бесполезность этого молчания – на чём основаны все наши верования,
ты – это всё: и наперстянка, и кустарник,
и роза хрупкая, и стойкий полевой цветок; нам остаётся думать,
что, возможно, на свете нет тебя. Не потому ли,
чтобы эту мысль нам в голову вложить,
тобой устроена вся утренняя тишина:
сверчки ещё не трут свои надкрылья, а во дворе коты
не выясняют отношения?

Анастасия Червинская

*Аспирантка 3 курса физического факультета.
Со школьных лет переводит стихотворения
английских поэтов*

Качели (Роберт Льюис Стивенсон)

Качели – лучшая игра.
Хочу я вам признаться,
Могу с утра и до утра
Как маятник качаться.
Вверх – улетаю в небеса
И вижу облака.
Вниз – зеленая трава.
Кружится голова!
Вверх – и над крышами домов
Как птица я лечу.
Вниз – приближается земля,
От страха хохочу.
Качели – лучшая игра.
Ты крепче лишь держись.
Пускай кружится голова,
Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз!

Дон и Магдалина (Редьярд Киплинг)

Никогда по Амазонке я не плавал,
Ведь в Бразилии я даже не бывал.
Провожал лишь пароходы взглядом
В Саутгемптонском порту, когда стоял.

Белые, тяжёлые, большие,
Золотые в свете утренней зари

Дон и Магдалина плыли в Рио.
Как хотелось бы попасть мне в Рио,
Пока молод я, что там ни говори!

Медленно возвращаются колеса,
Крутит их, постукивая, вал,
Пассажиров вдаль они уносят
В край, где никогда я не бывал.

Не видал я раньше ягуара (вот досада!),
Броненосца даже не видал.
Ну, возьмите меня в Рио, очень надо!
Ну, возьмите меня в Рио, очень надо!
В край, где никогда я не бывал.

Пароходы для меня – они как диво,
Уношусь душой за ними вдаль.
И, о чудо, на борту плыву я в Рио,
Не поверите, – плыву я в Рио!
В Саутгемтоне забыв свою печаль.

Медленно возвращаются колеса,
Крутит их, постукивая, вал,
В этот раз с собой меня уносят
В край, где никогда я не бывал.

Брожу я в зале... (Томас Мур)

Брожу я в зале. Гости все ушли.
Погасли свечи, и пусты столы.
Цветы поникли, и увял веноч.
Один я в зале. Как я одиноч!

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОНКУРСА, ОРГАНИЗОВАННОГО КАФЕДРОЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Анатолий Абрамов

9 мая 1945 года

Израсходован запас проклятий.
Гнев излился, вычерпан до дна.
Всё – о Гитлере!
Давайте, братья,
О другом, о том, что не война.

Злость, и та до самого до донца
Оскорблённых добралась сердец.
Кляли тьму. Давайте мы о солнце
Сложим гимн! И о тебе, боец!

И о наших матерях, что дали
Нам приказ всей женскою судьбой,
Всею страстью муки и печали –
В этой битве встать на смертный бой.

И о сёстрах, у станков стоявших,
И о тех, кто в медсанбатах нас
Поднимали – под огнём упавших,
Раненых, контуженых, уставших,
Говорили снова: в добрый час!

И ещё давайте скажем слово
О земле, о семьях, о любви,
Обо всём – весёлом и здоровом,
Что отныне встало на крови.

Да, родные, так уж получилось.
Вот она, всем радостям цена.
Потому и выпала нам милость
Видеть, как Отчизна не сломилась,
Поднялась, живой водой умылась,
И поёт про всё, что не война.

1945 г.

Данилов Илья, 1-е место

Студент факультета ПММ

9 May, 1945

The stock of curses has been used up.
Wrath has run out all the way down
And Hitler's fate is known. Let me speak up
Not about the war – let other be renowned.

That is enough for spite that seized us tight
And gravely wounded to the core.
We swore the dark – now the sunlight
Will be hymned up – we have got through the war.

Let me remember our mother's order
Given by the name of women's grace –
By her precept we fought with ardour
And didn't think about her mournful face.

Let me remember sisters who replaced us in the rear
And nurses who raised us, shocked and wounded,
In the crossfire – right on the battlefield –
Everywhere to save and heal and wish us modestly
"Godspeed"

And let me say a word I am to say
About our country, families and love
And everything that was risen from decay,
From the bloody morass where it could dive.

Forgive us all, loved ones,
The price to pay for victory was very high –
We saw how fatherland did suffer awful losses
But it recovered to sing aloud
against the war and didn't die.

Виктория Нестругина, 2-е место

Студентка факультета ПММ

We all exhausted curse stocks,
Got rage down the hatch

Saw Hitler passim. Folks,
We need to get a peace patch.

With mind trapped in loathing,
With heart engulfed in flames
We darkness cursed. Instead of groaning
Let's carol sun and fighters' names.

Let's carol mothers who ordered us
With all the might of loving hearts
With deepest sorrow and torment
To fight for our homeland.

Let's carol sisters who sweat blood
At plants and at the forefront
In the crossfire carrying us,
Who got shell-shocked and badly hurt.
Their blessing smiles were best desert.

Let's carol what we held so dear:
Our home, and land, and kin, and love,
Felicity pristine and clear
Being earned with hands in bloody gloves.

That's all is why you're breathing now
That's all the price for tears of mirth.
Coz someone from above allowed
Us to observe firsthand of how
Our greatest victory worked out
And let us carol peace rebirth.

Никита Янов, 3-е место

Студент факультета РГФ

All the curses have been uttered,
There is no anger any more,
That's enough for Hitler talks,
And no more talks about the war.

The malice, right to the end
Has reached the wounded souls.
Let's talk about the sun, now that darkness went.
Let's sing a hymn, getting rid of fouts.

Hymn to our mothers, who gave the deadly order.
Hymn to our mothers, emotionally gutted,
Hymn to our mothers, grief-stricken to disorder,
Sending their sons to the battle of murder.

Hymn to our sisters, exhausted to the bone,
Hymn to those, who raised and helped the injured up.
And those who carried the shell-shocked, tired and alone,
Encouraging their brothers in the killzone:
Good luck, my friends, cheer up!

But now let's say another word
About our home, our families and love.

Let's hide and stash our bloody sword,
That paid us in lives,
But now it's enough.

Yes, dear, it just so happens.
That's why your grandpa is so hoar.
We've given up all gory weapons
To sing a song, as never before,
About anything, but the war!

Анатолий Бабушкин

*Член жюри, заведующий кафедрой английского
языка гуманитарных факультетов*

The 9th of May, 1945

All the curses are exhausted now.
There isn't Hitler any more.
We will change the topic and from now
Let us sing about peace, not war.
Anger filled the hearts and bitter mourning
Is approaching its long-awaited end.
Night is over. Glory to the morning
And respect to you, , my Army friend!
We will sing a hymn to all the Mothers
Who with pity sent us to the front.

To defend the country I as others
Went inspired by the Mothers's tongue!
We will sing to honour of the sisters
Working in the rear day and night,
We will sing for you, the warlike sisters
Saving soldiers wounded in the fight
And returning them to battle site.

And we'll say a word or two about
Home land and sweethearts left behind.
Things that are so cheerful and sound
Were built on blood. Keep it in mind!

Having washed her face with living water,
Motherland has peaceful life in store.
Now she will sing in every quarter
Songs about all, but not the war!

НАШИ ГОСТИ

Юрий Беседин

Выпускник Воронежского лесотехнического института

Не торопи меня, дорога,
Ты – седина на мой висок.
Не я бегу по пыли снова,
Не я – мой маленький сынок.

Так просто всё и мне не снится,
А лес задумчивый стоит,
Заката всполохи, как птицы,
Чуть ветрено, и лист дрожит.

Зима торопит, грудью ляжет,
Прикроет пыльную траву,
И скоро, скоро осень скажет
«Прощай!» берету твоему.

Не вспоминай, забудь, не трогай!
Оставлено то, как ни жаль...
И только грустною дорогой
уходит в горизонт печаль.

Алексей Бондарев

Ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники»

Эксперимент

Ночную тьму лучами разрывая,
Сквозь Млечный Путь в космическую даль
Стремительно летят исчадья рая.
Летят они, закованные в сталь.

Без жалости, без слёз, без сожаленья
На Землю мчится ангельская рать.
Плечом к плечу, не ведая сомненья,
Последний бой должны они начать.

На острых копьях солнечные блики,
А на щитах начертаны кресты.
У божьих ангелов прекрасны лики.
Все – идеал добра и красоты.

Они бессмертны и неуязвимы.
Бог дал им право грешников карать.
Несут возмездье людям херувимы,
И никому от гнева не сбежать.

Господь послал стальные легионы,
Чтобы со злом покончить навсегда.
Мир содрогнётся под людские стоны.
Прольются слёзы, словно с гор вода.

Здесь все грешны – предатель и завистник,
Прелюбодей, убийца, лжец и вор,
Лентяй, язычник, богоненавистник –
Всем вынесен был смертный приговор.

Сквозь бездну туч, расправив гордо крылья,
В рассветный час, когда никто не ждёт,
Летит, летит святая эскадрилья.
Её так упоителен полёт.

На бреющем полёте, словно птица,
Заходит эскадрилья на вираж.
Глядит в глаза мой ангел, мой убийца,
Он боем опьянён и входит в раж.

Всё кончено. Затихли плач и стоны.
И род людской под корень истреблён.
Но дикий мир возмездием не тронут
И так же божьим светом озарён.

Прошло всё как по маслу, без изъяна.
Сказал Господь: «И вот настал момент.
На ветках резво скачут обезьяны,
И можно вновь начать эксперимент».

Юрий Бородин

Выпускник воронежского пединститута. Работал сельским учителем, корректором в издательстве «Коммуна», обозревателем армейской газеты в Польше, ответственным секретарём в панинской районной газете. Член Союза журналистов России, автор нескольких книг: поэзии, прозы, критики. Публиковался в журнале «Подъём». Живёт в посёлке Панино Воронежской области

Шпаликов

Гудел «Мосфильм», как майский улей.
Шёл передел кино.
Певец московских летних улиц
Жил в Переделкино.

Потом не жил нигде, ни с кем,
Дружил с тоской бездонной,
Таскался по ночной Москве,
Воспетой им, – бездомный.

И по пивнушкам кочевал,
Стучал в глухие двери.
А если кто и привечал,
То с явным недоверьем.

И слыша правильные речи,
И видя строгое лицо,
Друзьям кивал: «До скорой встречи...
Прощай, Садовое кольцо...».

*Людей теряют только раз,
И след, теряя, не находят.
А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит.*

А там луной надулся месяц.
«У Гены обострение...».
А что если взять... и повеситься,
Так, под настроение.

Не терзай себя зазря,
Милый Геночка,
Снимут, снимут без тебя
И кино, и пеночки.

Ты на Даниловском кваску
Хлебни, закушай дулей.
Перешагал ты всю Москву –
Через тебя перешагнули.

Через тебя – благодаря,
Как рысаки орловские,
Рванули братья-сыновья
Тарковско-Кончаловские.

Пуста Застава Ильича.
Скажи, Марлен, зачем
Так сгоряча рубить с плеча –
И снова в тридцать семь.

«Шумел камыш... Деревья гнулись».
Шёл передел кино.
Певец московских летних улиц
Пал в Переделкино.

Шёл дождь. Настоячиво вода
Стучала о крыльцо.

Сдавило горло навсегда
Садовое кольцо.

«Как, не помню, тело сняли,
Срезав смертную спираль.
*Я лежал к двери ногами,
Элегантный, как рояль».*

Так воплотилось в голый факт
Нелепое пророчество.
И вот прислали катафалк
Из Дома творчества.

Сокрушался Гриша Горин
Среди общей кутерьмы:
«Если б он напился с горя,
То не знали б горя мы».

Но быстро жизнь вошла в свой ритм,
Привычный ритм согласия:
И шествовал себе «Мосфильм»
Под ручку с Софьей Власьевной...

Дыханьем северной весны
В столице вновь повеяло.
А ты хотел такой Москвы,
Чтобы слезам поверила.

Городской романс

Иосифу Бродскому

Плывёт в жаре невыносимой
по раскалённому проспекту,
как бедуин в чужой пустыне,
в мундире выжженном инспектор.
Плывёт красotka с мелкой тварью –
на поводке два злобных шпица, –
в помаде яркой киноvari,
в текущей туши по ресницам.
Плывут измученные рынком
цыгане шумною толпою,
исходит старая румынка
обильным потом из запоя.
На ней вериги из монисто
и жухлые полуботинки,
незавершённого единства
плывут две пыльных половинки.
От зноя изнывает мачо,
отторгнута его Земфира,
не жаждет он её горячих
ладоней, липких от пломбира.
Плывут субтильные студенты
из «Александровского сада»
в очках, в наушниках – агенты
из вездесущего «Моссада».
Всё торопливей рокировка,
в которой мечутся бутылки,
справляться с тёплой газировкой
не успевают морозилки.
Под гневным солнцем негасимым

с младенцем мать в незримой лодке,
сорвавши друг на друга глотки,
плывут в жаре невыносимой.
И в пекле воспалились раны,
плывут скромней непальских шерпов
различных боен ветераны,
удара солнечного жертвы.
И только бомж жары алкает,
Враг беспощадный гигиены,
Один, пожалуй, проникает
Во благодать огненной гиены.
Поэта в мареве качает,
терзают мысли, нелюдимы:
мы ненавидимы случайно,
как и нечаянно любимы.
Агонизируем петлёю
то вверх, то вниз неумоимо.
Нас между небом и землёю
несёт поток неумоимо.
Нас кто-то держит на пороге
всегда с полуоткрытой дверью,
внушая, что мы полубоги,
пусть в остальном мы полужвери.
Так объяснил бы Заболоцкий,
так обыграл бы нас Стравинский,
а если проще – «недоноски»,
как выразился Баратынский.
Куда плывём? Какая сила,
слепая сила правит нами,
несёт в жаре невыносимой
между землёй и небесами!
Наверно, та, что безрассудна
и горяча, и скрыта в недрах,
та, что течёт в нас по сосудам
рекой в сто тысяч километров.
Она страшит своим кипеньем
творцов токсичных полимеров,
адептов рабского терпенья
и прозелитов полумеры,
жрецов, которые, как крабы
в свою несвежую добычу,
вцепились хищно в полуправду,
храня обычай,
как будто мы лишимся хлеба,
когда восторжествует совесть,
как будто жизнь, рванувшись в небо,
сорвётся в пропасть.

Честное протестное

Не выходи на улицу, не совершай ошибок.
Это в толпе ты крут, а в допросной – жидок.
Не суйся за дверь – отхватят по локоть руку.
Только в уборную – и сразу же к ноутбуку.

О, не выходи на улицу даже с собачкой для вида.
Есть повод закрыться дома хотя бы из-за ковида.
Нет ничего интересного за забором.
Всякая площадь кончается коридором,

похожим на тёмный проход анальный,
созвучный с фамилией либеральной.

Зачем выходить на улицу,
 лить воду на чью-то мельницу.
Хочется плюнуть в кого-то? Плюнь в пепельницу.
Сиди лучше дома, интеллигенция!
Выглянь в окошко: на улице, чай, не Швеция.

Подумай прежде и скажи на милость,
разве на улице рождаются свобода
и справедливость –
через аргумент дубинок, через фактуру бульжников.
Не вздумай вписываться
в сценарий политбарышников,
не придавай либерастам лоска,
не добавляй им глянца.
Это же пандемия... Да здравствует самоизоляция!

А если все дело в драйве, в адреналине –
перед сексом с любимой устрой мордобой в квартире,
только не выходи на улицу,
как балаганный Петрушка,
пляшущий за европейскую погремушку.

Когда теория снабжена инструкцией
по суровой конкретике,
Высшая математика конспирологий
кончается уличной арифметикой.
И потому за книжным шкафом
от улицы забаррикадируйся,
как от глупости,
подлости,
пошлости,
примитивности!

Впрочем, у каждого века свое средневековье.
Переживём и это... Поставь-ка, любимая, кофе.

Дарья Гүзеева

Старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия. Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Давний участник Дней поэзии ВГУ

Ты не спишь – и я не сплю.
Звуки режут сон...
Я слова твои ловлю
И держу фасон.
Мне ведь как-то не с руки
Каждый час писать
И, стирая каблуки,
Вдруг тебя спасать.

От себя ли самого
Мне тебя спасать?
Не боюсь я никого...
И не удержать
То тепло, что разлилось
От тебя ко мне
Через край. Вот началось...
Мы идём к зиме.
Наших чувств водоворот
Льдиной не сковать.
И по льду я вновь пойду
Нас с тобой спасать.

* * *
 Опять стихи приходят ночью,
 когда не ждёшь...
 когда ты гонишь, гонишь прочь их
 в жару и в дождь.
 Ты, мысли тяжкие упрятав,
 ныряешь в сон,
 А тут стихи – и нет возврата
 в покой. Фантом
 мечты и счастья увидеть в снах.
 Но ты не властен над собою,
 Ты лишь впотьмах
 Пытаешь музу, чтоб отстала
 И не звала
 туда, где страшно; больно, грустно.
 Но я ушла.
 За ней, ведь словом душу лечишь...
 И всё равно
 Опять рассвет, тревоги нет.
 Открыть окно.

По спине мурашки,
В голове туман...
Ты откуда взялся
Мною пьян?
Знать тебя не знала,
Не звала судьбу.
И зачем сказал ты:
«Я приду».
Мне твою улыбку
Сразу не забыть.
Назвала б ошибкой.
И дальше жить.
Ну а если небо
Вьлется дождём
Или будет счастье?
Подождём...

На краю

О чём ты думаешь,
когда берёшь осенний лист?
Ну а потом его с другим
Ты отправляешь. Чист
И воздух, и душа,

Хоть и в смятение сам.
А лист отправился
В свой путь, к таинственным лесам.
А я-то матчу тихо пью
Волшебную мою,
То вдруг заплачу и пролью
Слезу там на краю.

«Дождь в декабре? Ветер? Туман?
Куча проблем? Самообман,
что жить нужно так,
не иначе никак?!» –
Враг говорит тебе так.
Есть что-то большее между людьми,
Тонкие нити! Будь мы
Другими, не выжили бы
В этом туманном мире одни.

Николоз Дгебуадзе

Актёр, журналист, грузинский поэт, пишущий также и на русском языке. В Воронеже живёт с 2013 года

А с недавних пор...
Две сестры гостят;
Так удивительны их имена...
От времени ещё изящней их лица стали;
Довольно долго старшую – я знал...
С тех пор, как Одиночеством – назвали;
А – младшая... Бессонница, два дня лишь...
Как руки протянуть мне не боится.

Савелий Кострикин

Учащийся 11 класса МБОУ «Лицей № 3» (Воронеж). Член Российского союза писателей, член Совета молодых литераторов при Воронежском областном отделении Союза писателей России, член воронежского поэтического клуба «Левобережье»

Сонет ко дню рождения В. Викуловой

Меж зыбких пальцев вьюга истечёт,
Как будто снег – твоя навеки пряжа.
И нитям Бытия теряю счёт.
Теперь и дед с тобой в бессмертье ляжет.

Мир предстаёт нелепым персонажем,
Не знающим ни славу, ни почёт.
Для Бога голос времени – не важен,
Он и его поставит на учёт.

Свяжи их, снег, тугою тетивой,
Могильный крест – стань общей головою.
Куда зимы дорога поведёт.

Снежинки две – две старческие Души,
И где они отыщут в вечность ход,
Тоску потомка памятью разрушив?

Владимир Кузьменко

Работает педагогом в воронежской школе, с детьми, имеющими ограниченные возможности в обучении. Член литературной студии «Современник» при Воронежском региональном отделении Союза писателей России. Финалист фестиваля «Русские рифмы-2017». Публиковался в литературном журнале «Подъём»

Кто ты есть, посмотри,
Чьё лицо умудрилось так поменяться?
На котором «Губами не прислоняться»
Освещают тоскливые фонари.

В подворотнях счастливого смеха вчерашнего
Не забудешься хохотом частым, как бой сердец
За соседним столом. Первобытно-страшного
Ждёт признания девушка, а юнец?

А юнец-сорванец дарит розы. Свечи
На его торопливых глазах куда-то
Скачут, где же манеры, но жажда встречи
Крыта картой веселее – жаждой взгляда.

Сколько смелости! Пропасть для них – пустяк!
Кто ты есть, наблюдатель чужих мелодий,
Чьё лицо поглотил, как туман маяк,
Удивлённое глупо чужой колоде?

Показала, что зима – это не
Смерть слепящая снегом в окне.

Мы лежали и делали ангелов – чепуха!
Но не нужно стало ноющего стиха.

Я тогда и не писал, и не пил.
Сил хватало разукрасить – люблю!

И любил, но без стихов не прожил,
Сигаретой те снежинки ловлю.

Упадут на свежевыпавший снег,
Суховатый и за шиворот им:

Повторяющим звонкий наш смех,
И друг друга за их счастье простим.

В ночлежке затхлой пространства много
Разворошённый мусор у порога,
Ежом ли, белкой
Да ради Бога:
Мне дрожью мелкой
Приносит ветер листья
Сюда, к порогу.
И слабой стрелкой
От самолёта под этой высью
Пришёл вдруг август –
Забытой жизнью,
По памяти далекой? Я не знаю.
Умён казалось. Отрицаю.
Застрявший в прошлом
Стихи бряцаю.
Мне хорошо вполне,
Положим:
Не сотрясаю
В бессмысленной воде
Словцом сапожным.
Чёрт знает где.
Пронзаю
Бессилим двужонным
Малюсеньких людей
И дело знаю
Своё, и становлюсь добрей.
Дуга моих нахмуренных бровей,
Не посчитаю,
Какими многими годами сочтена:
Нагнулась с переносицы к вискам.
И взглядом я теперь уже ласкаю
Любую божью тварь, что мне близка.
Курю и держит голову стена,
Прислушаюсь к предутреннему лаю
И напую счастливо: на на на...

Юлия Лазаренкова

Студентка ВГПУ

Без интернета

В ленте стихи, картины, изредка шутки,
Песни с оттенком смысла за ширмой шума.
Всё так доступно, и лишь касания пальца
Хватит, чтоб, пересытившись, не удивляться,
Не восхищаться искусством, что стало ближе.
Тайны раскрыты, усилия здесь излишни.
Теперь выходить из комнаты впрямь ошибка,
Давно ведь уже не та золотая рыбка,
Расщедрилась – ты успевай умножать запросы.
Не надо ходить за книгами – дома Бродский.
За чаем проглочены, словно пилюли, строчки,
Душе не позволят лениться ни днём, ни ночью,
Ни в ванной, ни за обедом, ни в миг разврата,
Такого себя уважать и любить приятней.

Заделаться нынешним критиком можно просто –
На стеночке ждет новый автор свой лайк с репостом,
Поверхностный взгляд суматошный,
признание кликом –
Читавший умнее не стал, а прочтённый – великим.
Пусть рукописи не жгли, но о них забыли,
Ненужный библиотекарь покрылся пылью,
Хранимый им ценный груз обозначен «двести»:
Наличие жертв неизбежно в ходе прогресса.
Большие издания модно рвать на цитаты,
И Чехов уже повержен «сестрой таланта».
Открою соцсеть. Ба! Меня окружают эстеты,
Поэты, философы... Кто вы без интернета?

Носорог

Я привык. Моя кожа грубеет.
Вместо глаз прорастают рога.
И, смеясь, примеряюсь к толпе я,
Забывая в ней облик врага.
Наблюдаю нормальность и верность,
Выбирая за компас инстинкт.
Оставляю двуногим манерность,
Их надежду спасти и спастись,
Нежеланье вернуться к истокам
И увидеть уродство в лицо
В своем зеркале, мертвенно строгом,
И, приняв, не судить образцом.
В жилах чувствую новые токи:
Жажду жизни, свободу и гнев,
Забываю, как пишутся строки,
Дикий хохот клокочет во мне.
Ещё несколько слов, и не станет
На челе от рассудка следа.
Я, задушен родными местами,
Нагоняю живые стада,
Не стесняясь ни складок на коже,
Ни безумия в области глаз.
В безобразии мы так похожи,
Ненормальность нормальна для нас.

Александра Наливкина

*Студентка Воронежского художественного училища.
Художник-педагог*

Ницшеанский сатир

Дорический ордер щетинится краской,
Обломками падает в траву, к ногам.
Величие зданий больниц серой вязкой
Печалью ползёт по промёрзшим дворам.

Оскал мой забудут, забудут улыбку,
В том городе, ставившем время на «стоп».
Но будет, как прежде, на Энгельса скрипка
Лететь выше неба в сиреневый смог.

Устану бродить среди тысяч похожих,
Надменных, поэтов, бездомных, задир,
Людей без корней и искателей божьих,
Пока не найдёт ницшеанский сатир.

Воронеж

И может, он не так велик своей душой,
Бескровный, не бескрайний вдохновеньем.
И дышит трепетно в затылок грязной вшой
Не балованным фартом и везеньем.

И плачет горестно на ржавчину домов,
На звон витрин и в скрежете заводов,
Я чувствую, что не вложить в ладонь
И гулкий голос песен переходов.

Тот хрупкий сказ Ивана-дурака,
Печаль молебн изумрудных клёнов,
Красавиц кроткий взгляд и свысока
Рычащих псов на барщину законов.

А может, лгу себе, и кроме наглых слов,
Нескромных и назойливо жужжащих,
Мой город ничего сказать не смог
И пробудить так тесно душно спящих?

Жили не то чтоб во лжи, но в недоговорках.
Наперегонки бежали на последние этажи.

В каморках
Провели лучшие годы жизни смешной, пьяной,
Это было как артхаусный фильм,
мелодией фортепианной.

Серые камни молили молчать, мечтала
Уехать на Крайний Север к мохнатым оленям
встречать с причала
Поющих китов и людей в полярных костюмах,

Змея Мидгарда и моряков,
засыпающих с рыбами в трюмах.

Закат слизывал серость стен с широких улиц,
Мы отпускали на волю синиц, к журавлям,
но жарили куриц.

Курили дешёвый табак, играли во взрослых.
В старых хмурых росли домах,
на рослых дубах возле них, а после,
Кашляли пылью, гадали на блеклых фото:
Кто из нас постареет

узором лица отсыревшего года.
Отсылала тебе стихи в обнажённом виде,
Смеясь, создавала ту пустоту,
которую ты ненавидел.

Борис Николаев

*Окончил архитектурное отделение Воронежского
СХИ, живёт в Каменной Степи Воронежской области*

Надежда

Ехал он неведомо откуда.
А куда? Да разве кто узнает.
Может, от назойливого люда,
И такое, кажется, бывает.

Было по пути ему с Надеждой.
И за разговором путь короче.
Слушал он внимательно, прилежно,
Правда, понимал её не очень.

Но о чём-то важном говорилось,
Для обоих очень-очень важным.
Словно благодатью их накрыло,
А бывает это лишь однажды.

Звук гася, работали рессоры.
Оба, просыпаясь, засыпали.
Он и не припомнит разговор их,
Но её забудет он едва ли.

...Он очнулся, поезд гнал, как прежде,
Грохотом равнину оглашая.
Только рядом не было Надежды,
Как она внезапно исчезает!

Оставляя за собой приметы
Своего присутствия мужчине.
Поезд мчался, разгоняя светом
Ночи непроглядную пучину.

Разговор висел ещё в вагоне,
Ложки в подстаканниках звенели,
СМС осталось в телефоне,
«Фрагонар» улавливался еле.

Прогибая рельсы, поезд мчался,
Оглашая грохотом равнину.
Он сидел и грустно улыбался,
Будто бы, казалось, беспричинно.

Разреши мне с тобой помолчать,
Разреши мне с тобой погрузиться,
Вместе старые книжки читать,
А потом говорить, говорить...

Разреши в этот ветреный день
Мне на море поехать с тобой —
Шарфик только теплее надень —
Будем слушать осенний прибой.

Тут пустынно, но это не так.
Сколько мыслей рождается здесь
И уходят, мелькнув, просто так,
Не успев никому надоесть.

Я тебе не наскучу, мой друг.
Пожелаешь, представь меня сном.
Это, в общем, бесхитростный трюк —
Воплощусь, если хочешь потом.

Ведь сокровище вместе искать,
Не найдётся оно одному.
Почему? Да не трудно понять.
Потому... Потому... Потому...

Освобождённая от чар

Я проведу тебя сквозь сны
(Тебе ведь всё легко даётся),
И свет рассеянный луны
Дороже станет света солнца.
Нужны ли нам его лучи,
Его палящие потоки?
Достаточно одной свечи,
Чтоб сказкою наполнить строки:
«Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...»,
Там по отелю ходит кошка,
И нравится в отеле ей!
В полах зеркальных отражаясь,
Мурлыча в ласковых объятьях,
Среди чужих она – чужая,
Что, слава богу, не понять ей.
Но тронет и её однажды
Из прошлого знакомый взор,
И на руку она мне ляжет,
И я почувствую, как важен
Её молящий взгляд в упор.
И станет на ухо шептать
Уже в обличье человечьем...
Не дрогнуть бы, не испугать
Её неверьем в нашу встречу.

Квартира

Смотрит пустая квартира
В звёздное небытие.
Вечное лунное миро
Мягко заходит в неё.
Вынесли мебель. Просторно
Стало, и пол подмели.
Пусто на месте иконы.
Люшеньки-люли-люли.
Будут ли здесь звездопады
Новых жильцов волновать?
Будут ли радугам рады
В этой квартире опять?
Снова в раскрытые окна
Будет ли вновь, как всегда,
В утренних росах промокнув,
Робко входить красота?
Будут ли ревности вспышки,
Битой посуды салют?
Всё, что, увы, со сберкнижки
Гражданам не выдают.
Дедовы книги на полках
К подвигам не позовут.
Можно прожить втихомолку,
Ладя квартирный уют.
Вправе и так и разэтак,
Даже не спросит никто
Нас, ни потомок, ни предок:
Как это так и почто?!

Аман (Амангельды) Рахметов

Родился в Казахстане. Окончил Военно-воздушную академию им. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина в 2018 году. Живёт в городе Шымкент (Казахстан). Публиковался в журналах «Дружба народов», «Нева», «Новый берег» и др.

В зеркалах, изготовленных на дом,
я узнал направление взгляда,
это ты выбирала – с какой
стороны наблюдать за рекой.

Ты давала названия каждому
повороту реки, будто жажду
утоляла – а я наизусть
изучал твою тихую грусть.

А твоё настоящее имя
я запомнил у стен Аркаима;
я учился у местных аркан,
как снимать с языка облака.

Удивительно, мокрое время
не смогло изменить направления

взгляда, жажды давать имена
и привычки сидеть у окна.

За окном начинается ливень,
настоящий, густой и красивый –
это ты, как в стране городов,
говоришь языком облаков.

А внизу, под висячим балконом,
тебя слушает дух Актеона,
он боится, что ты прекратишь
говорить, но ведь ты говоришь!

Кто изобрёл воздушным жестом
Просить прощения и на
Балконе в баночку из жести
Плевать и думать, жизнь одна?
Не знаю. Сам себе вопросы
Придумываю и молчу...

А за окном проходит осень
Не потому, что я хочу.

А потому что под наклоном
Куда-то катятся часы,
Они же круглые, ты понял?
А мы застряли на балконе,
Как листья с той ещё весны.

Моё живое отражение,
Как хорошо,
Что нет движения
Машин, людей, со всех сторон –
Наш мир от мира застеклён.

Теперь пойми родное тело,
Оно заплакало, вспотело?

Всеволод Рыбачев

Создатель Поэтической дуэли в Воронеже, организатор Поэтического слэма, автор непонятных философских и других стихов, известен под псевдонимом Поэт Воронежский

«сомнительное»

в стремление к апофеозу
или минутной эйфории...
оставив множество вопросов:
«что я забыл в твоей квартире?»

где упрекнул мои идеи –
наполнив жизнь тоской и болью
и эфемерные затеи –
меня приводят к алкоголю...

на дно гранёного стакана,
в котором вся моя окрестность...
и все готовят филигранно
моё вхождение в неизвестность...

где обречённость и банальность
и лживость всяких диалогов...
а мир утратил уникальность,
сменив последнюю эпоху...

Эллина Савченко

Публиковалась в газетах «Кубанский писатель», «Горячий Ключ», «День литературы», журнале «Краснодар литературный» и др. Член Союза писателей России. Лауреат премии «Российский писатель» в номинации «Позиция». Живёт в Краснодаре

Алексею посвящается

Мы глазами встретимся нескоро...
Город дышит утром первоснежным,
Вдоль чужого низкого забора
Протянулся солнца луч неспешно;

Не скрипят обветренные ставни,
Во дворе не слышно песни ветра,
На табличке буквы нет заглавной...
Только пух лебяжий сыпет щедро.

На стекле тончайшие узоры,
И январь загадочен и вечен...
Мы с тобой увидимся не скоро –
Два часа до нашей долгой встречи...

Мне снился ты, наш дом в посёлке тихом,
В том доме мастерская в два окна,
А через окна льётся рыжина,
И на холсте сияет облепиха.

На тёплый пол легли немые тени
Тобою недописанных картин,
И время не набросит палантин
На них, мой бесконечно светлый гений...

Здесь нами всё по-прежнему живёт,
И ничего не тронута поныне...
Всё дышит нами полно, без унынья,
И время дом старинный бережёт.

На каменной холодной паперти
Старинной церкви, у пруда,
Заброшенной, где двери заперты,
Где даже летом холода,

Сидит старуха – тихо молится.
Сама, как снег, белым-бела.
С какой она пришла околицы?
Зачем она сюда пришла?
На куполах кресты надломлены,
Но Бог во всём и Бог – не глух.
О чём ты просишь неуёмная?
Прочти свои молитвы вслух.
Как много лет тебе, а кажется:
Иду я за тобою вслед...
И вроде вольно, как на пажитях,
А всё равно покоя нет...

А ты, должно быть, знаешь истину?!..
Старуха встала не спеша...
Смотрю в глаза её, и пристально
Глядит в меня моя душа...

Олег Селедцов

Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Член международного клуба православных литераторов «Омилия». Автор 22 книг стихов и прозы и более 250 печатных публикаций в российских и зарубежных литературных изданиях, среди которых журналы «Москва», «Наш Современник», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Юность», «Литературная учёба», «Берега» (Калининград), «Родная Ладога», «Север», «Дон», «Подъём» и др.

Неизвестный солдат

1.

Они не летают, а были крылаты.
И песен мы с ними уже не споём.
Их числит страна неизвестным солдатом.
Их память украшена вечным огнём.

На кудрях степных некрасиво, неловко
Упали они и врачей не зовут
И капля за каплею Божьи Коровки,
Стекая из раны, садились в траву.

Но если б не смерть стародавняя эта,
Бессмысленным стал бы прекрасный наш век:
И жемчуг росы, и рубины рассвета,
Сапфиры травы и бриллиантовый снег.

Они не летают... На старых дорогах,
Неправильно руки раскинув, лежат.
Но молится ангел в небесных чертогах
О самой бесценной из наших утрат.

Волшебным рассветом, в июне и мае
Я слышу, как ангел молитву поёт.

И Божьих Коровок я горсть собираю,
И прячу их бережно в сердце своё.

2.

Он был худым и мнительным,
Он не имел чинов.
Он не умел на митингах
Сказать красивых слов.

Грозил бесцветным валиком
Его закрасить век.
Он весь какой-то маленький.
Невзрачный человек.

Но в час, когда в сражениях
Смешались кровь и смрад,
В озёрных отражениях
Дымился Сталинград,

На грани невозможного,
Со смертью став «на ты»,
Упал он у подножия
Безвестной высоты.

Глазами в синь небесную,
Руками в талый снег.
Лежит... и в небо шествует.
Великий человек.

Александра Сердюкова

Учится в Воронежском государственном медицинском университете им. Н. Н. Бурденко. Член воронежских поэтических клубов «Современник» и «Левобережье»

Ещё темно. И пагодами ели
Вонзаются в небесную дугу.
Этаж четвёртый. В окна, как в тоннели,
Вползает день. Я верить не могу
Всамделишности нашего прощанья,
Родные стены! Сколько же была
Я тихим зрителем на ваших совещаньях,
Предутренних планёрках?... Не сочла.

Мне к вам прильнуть губами не зазорно,
И, как росой на дедовском гумне,
Напиться этой сумеречной зорькой,
И попросить вас помнить обо мне.

Вырастаемость кости. Упраздняемость детства.
Переменит симпатию жизнь на кокетство.

В перемятых тетрадках,
Уставших и жёлтых,

Мы услышим украдкой
Таинственный шорох
Перепроданных правил
И забытых заветов.

Кто ещё не лукавил,
Пусть не верует в это.

Перед глазами такая сахарность, такая розовость!
Чего не знаем – того не видим, как сушь за грозами.

У жизни два пути для нас: на плац и плаху.
И два конца у них – те вовсе одинаковы.

Но мы не верим. Но нас обманут. И мы обманем.
И в гущу века, как перволюди, падём и канем.

Мы не изменим ни грех, ни подлость. Мы не изменим.
А кто до нас хотел менять, тот шёл последним.

Друзья мои! Положим руку на совесть истово:
Отвоевавши любви клочочек, в войне не выстоим.

Так пусть же будет нам плац – планетой,
а плаха – пламенем
Бескрайней жизни! И небо –
розовым над нашим плаваньем.

Павел Сидельников

*Выпускник школы литературного мастерства
им. В. Крапивина. Студент Центрального филиала
Российского государственного университета
правосудия*

Природа снега: и лететь, и таять.
Бумажным самолётиком лететь
на белый свет, где прорубь ледяная
уснула, словно северный медведь.

И выпал снег. Ребёнок краснощёкий
сидит и смотрит в снежное окно –
белым-бело. И чёрные сороки
следят за ним. Становится темно.

Приходит ночь. И выпадет на утро
последний снег, тяжёлый снегопад.
И самолёт летит – проходит чудом.
Ребёнок будет очень долго спать.

собака на траве
лежит собака на траве
что думает лежащая собака на траве
двор опустел фонарный столб погас в голубизне

собака на траве
лежит собака по весне
на жухлой не-зелёной и нехоженой траве
собака в тишине
лежит собака в тишине
не трогайте лежащую собаку в тишине
когда лежит огромная и страшная она
сама трава сама весна сама и тишина

Лежать на простыне вдвоём,
о мае говорить, о лете,
о платье розовом твоём
и обо всём, что есть на свете.

Закреть окно, завесить тюль
всего осталось на прощанье.
И мы – как высохший июль,
любовь и сонное молчанье...

Юрий Силантьев

*Член Союза писателей России. Родился в Грузии,
в г. Кобулети. Большую часть жизни провёл за
пределами России – в ближнем и дальнем зарубе-
жье. В России (в Воронеже) живет с 1995 года*

Софико Чиаурели

Я помню
Софико Чиаурели...
В Телави мы
в гостинице сидели,
одни, в пустом
и полутемном холле,
Была зима;
вползал под кожу – холод.
Она сидела
как-то отрешенно.
Прекрасной
не подьемля головы...
Но я её узнал.
И взгляд влюбленный,
В неё нацелив, вдруг:
«О!.. Это Вы?!»

Она слегка поморщилась,
к восторгу
слепому не привыкшая толпы...
И я,
неловкость чувствуя,
исторгнул:
«Простите», – и умолк, сдержав свой пыл.

И поднялась
великая актриса
из кресла.

И почти уже в дверях –
взглянула на меня...
И мне открылся
секрет всей красоты её,
даря

душе моей
восторг неповторимый!
О, этот взгляд!
Огромные глаза
разверзлись бездной
полной тёмным дымом,
Где в глубине –
ворочалась гроза.

Там было всё:
Любовь,
и боль,
и ропот,
и море слёз,
и хохот сатаны,
и Божий дар,
и любопытства робость,
и детский смех,
и отблески войны...

Там было всё!..
Великая актриса
Меня накрыла этим –
как волной!
Она ушла...
Я выжить умудрился,
в том, что потом
произошло со мной:

судьба
меня
о скалы жизни била,
стремясь убить!..
Но так и не убила.

Вот только до сих пор
ночную птицей
терзает память –
криком за рекой!
И сиротливо
снег в окне кружится –
уже который год –
без Софики...

Одинокий кузнецик

Внуку Кирыше

Средь бескрайней степи одинокий кузнецик
беспреданно стрекочет в пожухлой траве.
То ли душу мою он пытается – лечит,
То ли плачет о тех, кто пропали навек...

А над степью багровое солнце заходит,
облака безнадежно гангреной больны...

И к кузничку тянет из космоса холод
неземное сиянье лучей неземных.

Ты не мешкай, солдатик! Спасайся, кузничек!
Спрячься так, что бы было тебя не сыскать!..
Всё минует когда-то. И холод не вечен.
Выйдет солнце – и станешь опять стрекотать.

К Аркадию Макарову

Только синь сосёт глаза...

С. Есенин

Аркадий, друг! Поднимем стаканы:
Ты с коньяком, а я – с грейпфрута соком.
И выпьем за поэта, чьей вины
Нет в том, что он залез в петлю до срока.

Заслугою не стоит нам считать,
Что мы в свою петлю пока не лезем, –
Ведь то, что он успел здесь написать,
У нас поют по городам и весям!..

Давай достанем старую гармонь
и, загрустив над ветхими мехами,
в два голоса затянем – Боже мой! –
ту песню, сочинённую не нами...

Польётся тихо с клёнов листьев медь,
Шепча, что все мы в этом мире тленны...
И что пришло процвести и умереть,
Вовеки станет вновь благословенно.

В щетины дым вдруг проскользнёт слеза,
И разольётся синь невыносимо!
И ты подымешь к небесам глаза –
И захлебнётся сердце этой синью.

Елена Соколова

*Студентка юридического факультета
Кубанского государственного университета*

Ponte dei Sospiri

Взгляни в последний раз на каменные своды,
На бирюзовый глаз немеющей воды.
Тебя еще влечёт иллюзия свободы,
Тебя ещё зовут остывшие мечты.

Взгляни! И позабудь Венеции мотивы.
Тебе проложен путь на дно самой судьбы.
Как недостойный сын, потомок нерадивый,
К Мадонне вознеси горячие мольбы.

На каменном мосту, откуда не увидишь
Ни голубых небес, ни отчего двора,
Ты сам себя за всё теперь возненавидишь:
Вся жизнь твоя ушла в бесплотное вчера.

И твой печальный вздох с тоской отбросит небо
В растерянную гладь взволнованной волны.
Ты в этом мире был, а может, вовсе не был...
Всё прошлое замрёт в стенах твоей тюрьмы.

Фонарь

Спину горбит фонарь долговязый.
Я склоняюсь над новой строкой.
Он глядит с потускневшей тоской,
Как роятся летучие фразы.

Фонарю не к лицу рыжина.
Светом рвётся душа за пределы
Бесконечного брэнного тела.
Он глядит на меня из окна.

Он глядит. В моей тихой квартире
Темнота поднялась к потолку.
Напишу я еще хоть строку.
Уже полночь, а может, четыре...

Разбежится унылая хмарь.
Кто-то щёлкнет – и снова зажёгётся
Кругло-жёлтая лампочка солнца,
И погаснет мой милый фонарь.

Лодка

*Перевод стихотворения О.Н. Гринь
«Нясі мяне, човен, па зорнай рацэ...»*

Неси меня, лодка без вёсел,
по звёздному морю.
Неси меня, тёплая лодка,
по чёрным потокам.
Напьюсь горькой правды и воли
в далёком просторе.
Нет места мне ни на земле,
ни на небе высоком.
Цветы неземные
трепещут в волнах,
будто птицы.
А лодка несёт меня
прямо к небесному своду.
Нам даже нельзя друг у друга
во снах появиться.
Слезам наполнится лодка –
и кану я в воду.

Елена Тулукина

Заведующая библиотекой № 11 МБУК «ЦБС» города Воронежа. Выпускница факультета русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета. Организатор и руководитель литературно-музыкального клуба «Кайлас»

Переплетенье проводов
Над замерзающим бульваром.
И серым шлейфом облаков
Укрылись камни тротуаров.

И замирает птичий крик,
Дыханье застывает паром...
И город свой скрывает лик
Под серым призрачным муаром.

А ты идёшь... И тишина
Вокруг внезапно оживает...
Дорога сонная длинна,
Вдаль за собою увлекает...

Легко скользит среди веков,
Минувших дней ловя преданья.
Среди застывших холодов
Сокрыта тайна мирозданья...

Лабиринты высотных скал.
Это улиц кривой оскал...
Ты терял, забывал, искал.
Воевать с пустотой устал...

Изменяя привычный быт
И меняя простой маршрут,
Ты покинут или забыт.
Ты не принят ни там, ни тут.

Забываясь в хмельной тупик,
Отвергая любой покой,
Ты живёшь, словно черновик
Заполняешь кривой рукой.

Только жизнь – непрерывный миг.
Прожигать её смысла нет.
И очерчен крутой изгиб
Той дороги, где виден свет.

Тихо плакала чья-то мечта...
Догорали обломки моста.
Ты не тот. Извини... Я не та.
Эта истина крайне проста.

Просто встретились. Просто не те.
И разбилась мечта в пустоте...
Забываясь в чужой суете,
Ставим кляксы на белом листе...

Жили жизнью как будто взаймы.
И за руки держались не мы.
На пороге уставшей зимы
Были улицы глухо немые...

На тротуаре тает грязный снег,
Осколки тают наших заблуждений...
И мы идём неспешно в новый век,
Век прогрессивных ярких устремлений.

И поступь окрыляюще легка,
И мысли все витают невесомо.
Надежда одуряюще сладка,
И цели все понятны и знакомы.

Вот новый век. И новые мечты.
Но мы остались прежними. Так странно.
Мы шли вперёд, сжигая все мосты,
Цитируя любимые романы...

Но от себя нам не дано уйти.
Куда бы ни бежали, ни летели,
Какие б мы ни выбрали пути,
Не смогут пересечься параллели.

Дарья Швецова

Школьница, живёт в Пензе. Участник Дня поэзии 2020 года

Из людей вырастали сны.
Превращались в набор блесны
Для зубастых грядущих дней.
Мне с колючих густых ветвей
Видней.

Вылуплялся из почек звук.
То ли я ли тебя зову,
То ль крик гибель предугадал –
Я не слышала никогда
Года.

Отрывали кору от ран –
Открывали ладонь утра
Вместе с кожей, и ствол краснел –
Так бывает с смолой и с ней
Во сне.

Корни шли глубоко в кровать.
Их положено вырывать,
Пересушивать в бересту,
Перекраивать на блесну;
Но один из них ускользнул.

Расту.

Навеяно романом «Плаха» Ч. Айтматова

Свежей болью на мех ложится
Иней дней, как на эшафот.

Не волчат, а себя волчица
Хоронила ночами. Год.

Рокот лопастей, острый воздух –
Окровавлена длань степей.
Февралю не увидеть взрослых
Акджалов. Никому теперь.

Завтра бросится, оцарапав
Отрывной единицей сердце –
Так возвращенный снегами вождь

Ранит мощную волчью лапу
О заточенный чуждым зверством
Человечий нож.

10-любовь

Системный кодекс делает кульбит
В двоичный омут.
Один-ноль-ноль-ноль-ноль – ты убит
И стёрт из кода.

Игра навывлет. Каждый неживой –
Один сегмент живому,
И каждый созданный игрой –
На три летал. Исхода.

В пустотах клеток – ворохи идей
Чужих, глобальных, выгодных и новых.
И в цифровых головках не-людей
Торчат разъединенные контакты.

А ты отстал от выросших семян
И доверху забил себя любовью.

Один-ноль-ноль, узнают – ты – земля,
Процессором деленная на такты.

Там ты оставишь свой аккорд,
Последний.
Он их руками всё сотрёт,
Единый.

Провалятся сквозь пиксельный овал
Колени.
И от тебя останется она –
Один-ноль.

Тревоги

1.
Слово – зубная нить.
Боязно говорить,
Дернешь – и в кровь,
Скажешь – и строф
Мало, чтоб отбелить.

2.

Больно смотреть в огонь
Через глаза окón,
Как пассажир
Жжёт твою жизнь,
Просто садясь в вагон.

3.

Череп насквозь черта
Пилит. И ни черта
Нет, кроме карт
Скрытых, пока
Не научусь читать.

4.

Нерв – полоса дорог.
Каждый его рывок –
Дребезг стекла,
За ночь стекла, –
Самая из тревог.

Эльвира Щербакова

*Преподаватель ВГПУ, главный редактор
газеты «Учитель»*

* * *

Тёплый снег и тёплый вечер...
Голову сложив на плечи,
Сжала тонкие запястья –
«Где же счастье?», «Где ты, счастье?»
Калачом лежит котейка,
Словно маленькая грейка,
Словно жизни огонёк –
Здесь, так близко, но далёк
Тёплый вечер за окном –
Спит природа крепким сном,
Только мелкие снежинки
Зависают, как пружинки.
Тише лёгкое дыхание,
И приходит понимание –
Тёплый вечер – тёплый снег –
Тёплым счастье будет всех!

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Игорь Копытин

Профессор кафедры теоретической физики

**Эпиграммы-частушки профессорам
физического факультета ВГУ**

*Кадменскому Станиславу Георгиевичу,
зав. кафедрой ядерной физики*

Он «сражался на войне» –
Бил немирный атом.
Стал известен всей стране –
Избрали депутатом!

Хорошо с Кадменским спорить,
Можно даже кушать!
Он не даст вам говорить,
Ваше дело – слушать!

У Кадменского «по ветру нос»:
Где дают там гранты?

Отчитаться? Не вопрос!
Тут полно талантов!

*Домашевской Эвелине Павловне
и Терехову Владимиру Андреевичу, профессорам
кафедры физики твердого тела и наноструктур*

Два профессора в семье,
И хозяйство ведут сами.
Кому мусор выносить,
Может спор идти часами.

Много поводов в семье,
Чтоб им поругаться.
Да ещё с работы взять
Могут постараться.

На Левицкую похожей
Эвелина хочет стать!
Ой, зачем ходить в галошах,
Что попало надевать?

Домашевскую пора уж
В физ. историю вписать!
Но не стоит «бабью долю»
Чулком синим заменять!

Эля – женщина-мечта,
Мужикам страдания!
Ну а синим быть чулком
Ты оставь мечтания!

Ведь Левицкая признала,
Что не так она жила.
Эвелина ж показала,
Бабе как вести дела!

Заниматься телом твёрдым
Домашевской нравится.
С ней, хоть тело её мягко,
Ректорат не справится!

На различных совещаньях
Она любит выступать.
Говорит обычно долго –
Не умеет речь кончать!

*Манакову Николаю Леонидовичу,
профессору кафедры теоретической физики*

Манаков Н.Л., профессор,
Всё умеет: печь сложить,
Дом построить, сад очистить.
Чинит мебель, может шить.
Грина функцию разложит
И потом опять свернёт,
Бакалаврам он поможет –
Интеграл для них возьмёт.
А вот атом водорода
Ну никак он не поймёт –
Изучает, все считает...
Манакова кто уймёт?

Н.Л. – автор плодovitый,
Статей много написал!
Сто теорий им развиты,
Мир цитировать устал!

*Кацнельсону Борису Григорьевичу,
профессору кафедры математической физики*

Кацнельсона давно знаем,
На глазах у нас он рос,
И умом мы понимаем –
Вот, до пенсии дорос!
Когда пенсию получит,
Посчитает – прослезится.
Но не плачь, страна дала!
Этим следует гордиться!
Можно больше не работать,
Хобби по душе найти.
Можно по миру поездить
Или «по миру пойти»!

Борис часто за границей,
«Пишу книги» – говорит.
Позабыл студентов лица...
Видно, их в стихах творит!

*Памяти Зона Бориса Абрамовича (1944–2020),
профессора кафедры математической физики*

Физике большую честь
Оказал, себя дав, Зон!
В твёрдом теле зоны есть,
А в статфизике – бозон!

Зон «мат. физику» читал,
Много формул в ней давал.
Студент, физики не зная,
Только «мат» ему сдавал!

Был Б. Зон профессор добрый!
Интегралы всем давал...
А студент – не благодарен,
Интеграл никак «не брал».

Преподавателям кафедры радиофизики

У радистов аспирантов –
Как «собак нерезанных»!
Это сколько же талантов,
У физики отрезанных?
Выделять они сигнал
На фоне шума учатся.
А поймать его вживую –
Вряд ли что получится!
Ставят опыты они
Только в виртуальности!
Не пора ль создать прибор,
Работал чтоб в реальности?

К ЮБИЛЕЮ Н. А. НЕКРАСОВА

«Для звуков жизни не щадить...»

Да, со звуков сладких и молитв, с жалоб и восторгов, с завораживающих песен начиналась поэзия, широко размахнув затем свои крылья до всеохватного и певучего гомеровского эпоса. И до сего дня эти звуки и песни прилетают на землю и стучатся в наши окна и двери, только мы не всегда отзываемся, не всегда открываем им...

Поэзией дышала сама природа, частью которой был человек. Вот почему Аристотель называл искусство поэзии, как и другие искусства, подражанием природе, но не видимостям её, а животворящим в ней силам, ибо природа сама творит себя. Он видел в поэтах людей обречённых, одержимых, для которых вне поэзии невозможно жить. Поэзия прорастает там, говорил Б. Пастернак, «где человек сгорел», а Пушкин видел «цель поэзии – в поэзии», тех же, которые видели эту цель в чём-то другом, предлагал бить палками и сечь кнутом...

На заре истории носителями словесного искусства были певцы (аэды, рапсоды), исполнявшие свои песни на пирах и народных праздниках. В их песнях зародилась связь слова, стиха и музыки, ритмического повествования о событиях и переживаниях души. Позднее пропетое и сказанное обретает письменную форму, но исполняется в голосе – пении, декламации, чтении, в игре на сцене, в философских беседах и диалогах. Даже свои исторические труды Геродот читает публично на Олимпийских играх. Литературное творчество поначалу не воспринимается как нечто важное и нужное (а у нас сегодня?), это «лишь одна из второстепенных форм общественной деятельности гражданина». Об этом свидетельствует эпитафия на могиле Эсхила: «Он участвовал в победоносных битвах с персами», но даже не упоминается, что он автор великих трагедий.

Как воспринимали и толковали поэзию в Древней Греции? Отнюдь не упрощённо и стихийно, а в строгой системе духовных, эстетических, религиозных и психологических координат. Это удивительно для детства человечества, как часто именуют античную эпоху. У каждого вида искусства была своя Муза, все Музы – дочери Мнемозины и Зевса, а бог всех искусств – Аполлон, общий покровитель Муз – Ипокрена. Заметим: ни одного земного властителя – ни царя, ни вождя, ни полководца – не пригласили греки в покровители

искусств. Воздействие поэзии на человека отмечено в широком диапазоне, на все органы чувств, на все уровни сознания.

Поэзия – это утеша сердца (Одиссей), услаждение слуха (Ахилл), услаждение разговорами (Патрокл), «нежные и вкрадчивые слова волшебниц», очаровывающие песни Сирен, от которых не спастись, сладостные речи и т.п. Поэтический дар даётся свыше – богами, а источник вдохновения находится в самом человеке, в том его органе, который являетсяместилищем силы, энергии, т.е. в сердце поэта. Но чтобы выразить поэтический дар, нужна воля богов. Двумя терминами (или понятиями) обозначали поэзию древние греки. Эти термины выражали разные стороны сложного явления поэзии: суть, душу её и словесную форму. Первое – это пойнэсис, поэтическое начало, ядро произведения, второе – это тэхне, хорошо построенная речь, стих, который может содержать в себе и не поэтическое содержание, чаще всего предназначенный для заработка или иных целей.

Из этих терминов выросли два понятия, два крыла, несущие поэзию через века и пространства: красота и польза. У каждого великого поэта за спиной – и крылья, и воз насущных тревог и забот, попробуйте их разделить! Однако пытались, и критики, и сами поэты. Поборник чистого искусства А. Фет, пишет И. Сухих, « всю жизнь с вызовом противопоставлял поэзию как царство красоты – низкой обыденности, включая политические и общественные вопросы». Но это не означало, что адепты чистого искусства парили над землёй и не замечали тягот и бед жизни. Скорее всего, этими тяготами и бедами вызваны их порывы к красоте и гармонии. В предисловии к своим «Вечерним огням» Фет писал: «Напротив, эти-то жизненные тяготы и заставляли нас в течение пятидесяти лет по временам отворачиваться от них и пробивать будничного льда, чтобы хотя на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии». Не надо забывать, что он справлялся с этим «будничным льдом» и как образцовый хозяин-помещик, не забывающий, по замечанию Л. Толстого, о цене на керосин: на одном листке у него написано стихотворение «среди звёзд» и «излиты чувства скорби "о том, что керосин стал стоить 12 коп."» (сколько он стоит теперь?). Бесчисленные звёзды, сияющие на огненной книге

неба «в венцах, лучах, алмазах, как калифы /
Излишние средь жалких нужд земных», говорят
человеку, погружённому в эти нужды:

*...Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился незакатный день.*

*Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где всё темно и скудно,
К нам, в нашу жизнь, где пышно и светло.*

Поэт – огонь, занесённый божьим ветром к нам на землю, и этот огонь не только возносит его владельца на пленительную высоту успеха и славы, но и выжигает силы и страсти творца. Не остерегаться огня, не скупиться излучать свет и тепло, а сгорать до последнего слова – роковая обязанность таланта. «Познание начинается с удивления», – говорил Аристотель. С удивления, с восторга начинается и поэзия. «Удивление, – писал недавно в "Литературной газете" В. Дударев, – это главное для поэта. Если этого нет, можно даже не начинать писать». Удивиться – значит уловить музыку сфер и подземные гулы дня, ритмику словопотока, пульс и дыхание человека. Только представьте себе: какое море поэзии плещется в солнечных бликах у наших берегов – и у вас развернутся крылья, чтобы взлететь над ним и оглядеть его приливы и отливы, всю его даль и ширь, все его пенистые отмели и тёмные глубины.

«Наше время трудновато для пера», – писал Маяковский. Труднее нашего трудно придумать. Новая буржуазность накрыла нас своей тяжёлой

и жирной волной, и как русской душе высвободиться, вырваться из-под неё, какую дорогу выбрать в настигшем нас помрачении? Всё, чем были мы сильны – идеями, душой, помыслами, солидарностью, пусть бедной, но справедливостью, всё под колесо шикарного лимузина, всё в мусорную корзину нового эксплуататора? Как быстро мы клюнули, как легко поддались на сладкие приманки, на манну небесную, а миллионы так и остались у разбитого корыта зарплат и пенсий. И тут в поддержку Фета, витающего «среди звёзд», приходит Некрасов со своей Музой гнева и печали. В этом году исполняется 200 лет со дня его рождения, который мы будем отмечать в декабре. Время словно подстроилось под его «не чистую» поэзию, словно вернулось назад, обогатившись многими проблемами и противоречиями. А он всей душой, всем своим чернорабочим, жгучим словом рвался вперёд, в «пору прекрасную» свободы и счастья народа. «Если русскому человеку худо, – писал совсем недавно В. Смирнов в статье "Явление Пушкина", – он обращается к поэзии».

День поэзии ВГУ, счастливо народившись в оттепельную эпоху, не останется в стороне от обновительной духовно-социальной работы наших дней. Тогда «это было время стихов, – писал участник первых Дней Э. Пашнев. – Устройство мира объясняли не физики, не политики, а поэты». Почитайте двухтомную «Земную колыбель» университетской поэзии и вы ощутите, каким был тот мир! Кому же как не поэтам объяснять устройство пути-дороги нового, изменившегося мира...

Виктор Акаткин

Из лирики Н. А. Некрасова

(1821–1878)

Колыбельная песня

(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки –
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался –
Явных тьма улик.
Но отец твой – плут известный –
Знает роль свою.

Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.
Подрастёшь – и мир крещёный
Скоро сам поймёшь,
Купишь фрак темно-зелёный
И перо возьмёшь.
Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи – твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.
Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду –
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.
Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,

До хорошего местечка
 Доползёшь ужом –
 И охулки не положишь
 На руку свою.
 Спи, покуда красть не можешь!
 Баюшки-баю.
 Купишь дом многоэтажный,
 Схватишь крупный чин
 И вдруг станешь барин важный,
 Русский дворянин.
 Заживёшь – и мирно, ясно
 Кончишь жизнь свою...
 Спи, чиновник мой прекрасный!
 Баюшки-баю.

Вчерашний день, часу в шестом,
 Зашёл я на Сенную;
 Там били женщину кнутом,
 Крестьянку молодую.
 Ни звука из её груди,
 Лишь бич свистал, играя...
 И Музе я сказал: «Гляди!
 Сестра твоя родная!»

Внимая ужасам войны,
 При каждой новой жертве боя
 Мне жаль не друга, не жены,
 Мне жаль не самого героя...
 Увы! утешится жена,
 И друга лучший друг забудет;
 Но где-то есть душа одна –
 Она до гроба помнить будет!
 Среди лицемерных наших дел
 И всякой пошлости и прозы
 Одни я в мире подсмотрел
 Святые, искренние слезы –
 То слезы бедных матерей!
 Им не забыть своих детей,
 Погибших на кровавой ниве,
 Как не поднять плакучей иве
 Своих поникнувших ветвей...

Школьник

– Ну, пошёл же, ради бога!
 Небо, ельник и песок –
 Невесёлая дорога...
 Эй! садись ко мне, дружок!
 Ноги босы, грязно тело,
 И едва прикрыта грудь...
 Не стыдися! что за дело?
 Это многих славных путь.
 Вижу я в котомке книжку.
 Так, учиться ты идёшь...
 Знаю: батька на сынишку
 Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
 Отдала четвертачок,
 Что проезжая купчиха
 Подарила на чаёк.
 Или, может, ты дворовый
 Из отпущенных?.. Ну, что ж!
 Случай тоже уж не новый –
 Не робей, не пропадёшь!
 Скоро сам узнаешь в школе,
 Как архангельский мужик
 По своей и божьей воле
 Стал разумен и велик.
 Не без добрых душ на свете –
 Кто-нибудь свезёт в Москву,
 Будешь в университете –
 Сон свершится наяву!
 Там уж поприще широко:
 Знай работай да не трусь...
 Вот за что тебя глубоко
 Я люблю, родная Русь!
 Не бездарна та природа,
 Не погиб ещё тот край,
 Что выводит из народа
 Столько славных то и знай, –
 Столько добрых, благородных,
 Сильных любящей душой,
 Посреди тупых, холодных
 И напыщенных собой!

Сеятелям

Сеятель знания на ниву народную!
 Почву ты что ли находишь бесплодную,
 Худы ль твои семена?
 Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
 Труд награждается всходами хилыми,
 Доброго мало зерна!
 Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
 Где же вы, с полными жита кошницами?
 Труд засевающих робко, крупницами,
 Двиньте вперёд!
 Сейте разумное, доброе, вечное,
 Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
 Русский народ...

Содержание

Дмитрий Чугунов. Мы ищем друг друга..... 3

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ МУЗА

Марина Баранова.....	4
Ольга Булахтина.....	5
Владислава Бурносова.....	5
Ануш Давтян.....	5
Владимир Емельяненко.....	6
Анастасия Еремина.....	7
Вера Калашникова.....	8
Анна Ковалёва.....	8
Дмитрий Колесниченко.....	10
Константин Кондратьев.....	11
Оксана Лесовик.....	12
Полина Меркулова.....	13
Дарья Набережанская.....	13
Василий Нацентов.....	13
Валентин Нервин.....	14
Аркадий Пресман.....	15
Валентин Рахманин.....	16
Сергей Рыбкин.....	17
Софья Сафронова.....	18
Дмитрий Сладков.....	19
Елена Смолицкая.....	19
Екатерина Стрельникова.....	20
Марта Тарарыкова.....	22
Надежда Третьякова.....	22

Владимир Тулупов.....	23
Галина Хожаинова.....	24
Яна Цыганкова.....	24
Ольга Червинская.....	25
Дмитрий Чугунов.....	26
Иван Щёлоков.....	27
Джабраил Яхьяев.....	28

ЛИРИКА СОВРЕМЕННОСТИ

Павел Пономарёв. Воронежские «Встречи на Кубе» – воспоминания о недавнем.....	29
Яна Цыганкова (Тэграл Диррах). Рок-поэзия: лирика русского протеста и не только.....	32

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВГУ

Лев Рудковский. Неподвластен времени.....	35
---	----

СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР

Николай Бирюк (Воронеж, Россия).....	36
Вікторыя Галоўчык (Брест, Беларусь).....	37
Тияна Йокич (Белград, Сербия).....	38
Иван Нечипорук (Горловка, Донбасс).....	40
Виктория Полякова (Горловка, Донбасс).....	41
Александр Товберг (Красноармейск/ Покровск, Донбасс).....	42

Василий Толстоус (Макеевка, Донбасс).....	44
Мария Томкович (Вилейка, Беларусь).....	45
Елизавета Хапланова (Макеевка, Донбасс).....	46
Андрей Шталь (Краматорск, Донбасс).....	47
Илья Шушкевич (Барановичи, Беларусь).....	48

ПЕРЕВОДЫ

Луиза Глюк. Заутреня (пер. Елены Есиковой).....	49
Анастасия Червинская. Переводы с английского.....	50
ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОНКУРСА, ОРГАНИЗОВАННОГО КАФЕДРОЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ	
Анатолий Абрамов. 9 мая 1945 года.....	50
Перевод Ильи Данилова.....	51
Перевод Виктории Нестругиной.....	51
Перевод Никиты Янова.....	51
Перевод Анатолия Бабушкина.....	52

НАШИ ГОСТИ

Юрий Беседин.....	53
Алексей Бондарев.....	53
Юрий Бородин.....	54
Дарья Гузеева.....	56
Николоз Дгебуадзе.....	57
Савелий Кострикин.....	57

Владимир Кузьменко.....	57
Юлия Лазаренкова.....	58
Александра Наливкина.....	58
Борис Николаев.....	59
Аман (Амангельды) Рахметов.....	60
Всеволод Рыбачев.....	61
Эллина Савченко.....	61
Олег Селедцов.....	62
Александра Сердюкова.....	62
Павел Сидельников.....	63
Юрий Силантьев.....	63
Елена Соколова.....	64
Елена Тулукина.....	65
Дарья Швецова.....	66
Эльвира Щербакова.....	67

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Игорь Копытин. Эпиграммы-частушки профессорам физического факультета ВГУ.....	68
--	----

К ЮБИЛЕЮ Н. А. НЕКРАСОВА

Виктор Акаткин. «Для звуков жизни не щадить...».....	71
Из лирики Н. А. Некрасова.....	72

Литературно-художественное издание

День поэзии LXV

Литературно-художественный альманах

25 марта 2021 г.

Редактор-составитель *Д. А. Чугунов*
Корректоры *А. Ю. Игнатова, Е. С. Котлярова, В. В. Сафонова*
Компьютерная вёрстка *А. Ю. Хаустовой*

Подписано в печать 11.03.21.
Формат 60×84/8. Усл. п. л. 8,7.
Тираж 300. Заказ 62

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3